

Всем парням, которых я любила

Автор:

Дженни Хан

Всем парням, которых я любила

Дженни Хан

Виноваты звезды

Ларе Джин 16 лет, и она никогда не выставляет свои чувства напоказ, а изливает душу в письмах, которые хранит в шляпной коробке. Ее письма – это признания парням, которых она когда-то любила. Однажды все послания находят своих адресатов, а жизнь девушки превращается в сущий ад: ей приходится избегать лучшего друга и сестру, а затем она влюбляется в самого красивого парня школы и становится его липовой подружкой. Но как долго Лара Джин сможет врать себе и остальным? Сколько ей потребуется времени, чтобы разобраться со своими чувствами и наконец-то позволить себе стать счастливой?

Дженни Хан

Всем парням, которых я любила

Глава 1

МНЕ НРАВИТСЯ МНОГОЕ СОХРАНЯТЬ. Не спасать людей или китов, не охранять окружающую среду, хотя все это очень важно. Нравится хранить безделушки. Фарфоровые колокольчики из первой попавшейся сувенирной лавки. Формочки для выпечки, которые, я уверена, ни разу не будут использованы – кому нужны печенки в виде ступней? Ленточки для волос. Любовные письма... Думаю, из

всех моих сокровищ любовные письма – самое ценное.

Я храню их в шляпной коробке – мама купила мне ее когда-то в винтажном магазинчике в центре города. Нет, любовные послания написаны не мне. Увы, таких нет в моей коллекции. Все письма я писала сама. По одному для каждого из тех, кого любила. Каждому из пяти парней.

Я ничего не скрываю, когда пишу, зная, что получатель никогда не прочтет моего письма. Этого никогда не случится. Каждая потаенная мысль, каждое внимательное наблюдение – все, что лежит у меня на сердце, я выплескиваю на бумагу. Излив душу, запечатываю конверт, пишу адрес... И прячу написанное в свою коробочку из-под шляпы.

На самом деле, это даже не признания в любви. Мои письма – объяснения, что я больше не хочу любить. Они – прощание с чувствами. Стоит мне дописать письмо – и любовь уходит. Я могу спокойно есть свою овсянку и более не задаваться вопросом, любит ли он бананы больше, чем «Чириоуз»[1 - Товарный знак сухого завтрака из овсяной муки и пшеничного крахмала с минерально-витаминными добавками в форме колечек.]. Могу подпевать песням о любви в одиночку, не посвящая их ему. Если любовь подобна одержимости, то, возможно, мои письма – это своеобразный ритуал экзорцизма. Письма словно освобождают меня. Или, по крайней мере, должны бы освободить.

Джош – парень Марго, но, думаю, не солгу, если скажу, что в него влюблена вся моя семья. Даже трудно сказать, кто любит его сильнее. Прежде чем стать парнем Марго, он был просто Джошем. Он всегда был рядом. Я говорю «всегда», но на самом деле это не так. Он переехал в соседний дом пять лет назад, а кажется, будто бы жил здесь всегда.

Папа, окруженный одними девчонками, любит Джоша за то, что он парень. Папа окружен женщинами по жизни: он акушер-гинеколог и отец трех дочерей. Поэтому жизнь папы – женщины, женщины и еще раз женщины. С Джошем у них нашлись общие интересы: комиксы и рыбалка. Однажды отец пробовал и нас взять порыбачить, но когда мы все втроем разревелись (я – потому что испачкала туфли, Марго – из-за промокшей книги, а Китти просто потому, что была еще слишком маленькой), папа оставил эту затею.

Китти любит Джоша, потому что он играет с ней в карты и никогда не скучает в ее обществе. Ну, или делает вид, что не скучает. Они постоянно играют на спор. Китти, например, говорит: если я сейчас выиграю, ты мне сделаешь хрустящий сэндвич с арахисовым маслом, но без корочки. И выигрывает! В этом вся Китти. Но, как всегда, арахисового масла не окажется дома. Джош вздохнет, мол, жаль, выбери что-нибудь другое. Но Китти все ноет, настаивая на своем, – и вот он уже бежит в магазин за маслом... В этом весь Джош.

Почему Марго любит Джоша? Наверное, потому что мы все его любим.

Мы сидим в гостиной, все вместе. Китти наклеивает на гигантский кусок картона картинки с собаками.

И, мурлыча себе под нос, говорит: «Когда папочка спросит, что я хочу на Рождество, я просто покажу ему картинки и скажу – выбери отсюда породу на твой вкус, мне любая подойдет».

Марго с Джошем сидят на диване, а я лежу на полу и смотрю телевизор. Джош приготовил огромную миску попкорна, и я сосредоточенно уплетаю его горсть за горстью, пялясь в экран.

Там идет реклама духов: девушка в летящем платье, нежно-розовом, словно лепестки орхидеи, и тоненьком, как папиросная бумага, бежит по улицам Парижа. Я бы все отдала, чтобы стать этой девушкой в полупрозрачном платьице и бежать по весеннему Парижу! Вдруг мне в голову приходит потрясающая идея. Я внезапно вскакиваю и, поперхнувшись попкорном, говорю:

– Марго, а давай встретимся в Париже во время моих весенних каникул!

И я стала представлять себе, как кружусь с фисташковой макарони в одной руке и малиновой – в другой. В глазах Марго появляется огонек.

– Думаешь, папочка тебя отпустит?

– Ему придется. Это же саморазвитие!

Но на самом деле я никогда еще не летала на самолете одна. И вообще еще ни разу не покидала страну. Встретит ли Марго меня в аэропорте или мне придется самой искать дорогу до хостела?

Должно быть, Джош заметил мою тревогу.

- Не волнуйся. Папа точно тебя отпустит, если я поеду с тобой.

Я прямо засияла от радости.

- Да! Мы можем остановиться в хостеле и питаться одними пирожными и сыром.

- И посетить могилу Джима Моррисона, - добавляет Джош.

- А в парфюмерной лавке закажем индивидуальные духи! - восклицаю я.

Джош фыркает:

- М-м, тогда твоя затея с ароматами обойдется нам дороже недельного проживания в хостеле. - И слегка подталкивает Марго локтем. - У твоей сестры мания величия.

- Да, она из всех нас - самая прикольная, - соглашается Марго.

- А я? А как же я? - скулит Китти.

- Ты? - с издевкой подтруниваю я. - Из девочек Сонг ты самая неряшливая. Тебя и ноги-то вымыть на ночь едва заставишь, не то чтобы принять душ.

Китти краснеет.

- Я не об этом, ты как бестолковый дятел! Я говорила о Париже. Можно мне с вами?

Я небрежно отмахиваюсь:

– Ты еще не доросла, тебе нельзя останавливаться в хостелах.

Китти подползает к Марго и забирается к ней на колени, хотя ей уже девять и она слишком взрослая, чтобы сидеть на чьих-либо коленях.

– Можем устроить полноценный семейный отдых, – отвечает Марго, целуя ее в щеку. – Ты и Лара Джин с папой, все могли бы поехать.

Я насупилась. Это совсем не та поездка в Париж, о которой я мечтала. Поверх головы Китти Джош одними губами произносит: «Позже поговорим». И я незаметно отвечаю ему, подняв большой палец вверх.

Уже поздно, Джош давно ушел, Китти с папой легли спать. Мы на кухне. Марго устала в ноутбук, я рядом с ней скатываю в шарики тесто, а потом обмакиваю их в корицу с сахаром. Пеку любимое печенье Китти, «сникердудль», чтобы вернуть ее расположение. Вечером, когда я зашла пожелать ей спокойной ночи, она отвернулась и не стала со мной разговаривать. Китти все еще убеждена, что я пытаюсь помешать ей поехать в Париж. Мой план состоит в том, чтобы оставить сникердудль на тарелке возле ее подушки, – пусть сестренку разбудит аромат теплого печенья!

Марго вела себя подозрительно тихо, а потом неожиданно оторвалась от экрана компьютера и выпалила:

– Я сегодня рассталась с Джошем. После ужина.

От неожиданности у меня из рук прямо в сахар выпал комок теста.

– Просто было подходящее время, – сказала она.

Глаза не красные, не заплаканные, голос спокойный и ровный. Любой, посмотрев на нее, сказал бы: она в порядке. Марго всегда выглядит отлично, даже если все плохо.

– Я не вижу причин для вашего расставания, – допытываюсь я. – Если ты собралась в колледж, это вовсе не означает, что нужно расставаться с парнем!

– Лара Джин, я уезжаю в Шотландию, а не в университет Вирджинии. Сэнт-Эндрюс почти в четырех тысячах миль отсюда, – Марго поправляет очки. – Какой был бы смысл в наших отношениях?

Я не могу поверить, что она могла сказать такое.

– Смысл – Джош! Джош, который любит тебя, как еще ни один парень на свете не любил ни одной девушки!

Марго закатывает глаза от моих слов. Она считает, я драматизирую, но это не так. Джош действительно ее очень любит. На других девушек он даже не смотрит.

Марго неожиданно произносит:

– Знаешь, что мне однажды сказала мама?

– Что?

На мгновение я совершенно забываю о Джоше. Потому что, несмотря ни на что, – спорю ли я с Марго, или меня вот-вот собьет машина, – я всегда остановлюсь, чтобы послушать историю о маме. Любая мелочь, любое хранимое Марго воспоминание – я хочу, чтобы оно было также и моим. Хотя мне повезло больше, чем Китти. У Китти вообще нет собственных воспоминаний о маме, кроме тех, что ей дали мы. Мы так много и так часто рассказывали истории про маму, что теперь они принадлежат и ей тоже. «А помнишь...» – начнет Китти и расскажет какую-нибудь историю про далекое прошлое, словно она была там и могла это помнить.

– Мама советовала мне не быть в отношениях с парнем, если я уеду в колледж. Говорила, что не хочет видеть, как я рыдаю в телефонную трубку при каждом разговоре и говорю «нет» там, где в иной ситуации сказала бы «да».

Шотландия – ее «да». Рассеянная, я отрываю кусок теста и кладу в рот.

– Сырое тесто есть вредно, – доносятся до меня слова Марго.

Я словно ее не слышу:

– Джош никогда бы не стал влиять на твое решение. Он не такой. Помнишь, когда ты хотела стать президентом студсовета? Как он руководил твоей избирательной кампанией? Он твой самый преданный фанат!

При этих словах уголки губ Марго дрогнули. Я встаю и обхватываю ее за шею. Она откидывает голову назад и улыбается мне.

– Я в порядке, – заверяет она, но я знаю правду.

– Знаешь, еще не поздно все вернуть. Ты можешь прямо сейчас пойти к нему и сказать, что передумала.

Марго качает головой:

– Лара Джин, все кончено.

Я отпускаю ее, и она закрывает свой ноутбук.

– Когда будет готова первая партия печенья? Я проголодалась.

Бросаю взгляд на магнитный таймер в форме яйца, прилепленный к холодильнику.

Еще четыре минуты. – И продолжаю, садясь на место: – Марго, мне все равно, что ты скажешь, но между вами еще не все кончено. Ты слишком сильно его любишь.

Она качает головой.

– Лара Джин... – начинает Марго снисходительным тоном, будто я ребенок, а она зрелая мудрая женщина сорока двух лет.

Я вожу ложечкой с тестом прямо перед ее носом. Сначала Марго сомневается, но затем открывает рот, и я кормлю ее с ложки как маленькую.

– Вот увидишь, вы с Джошем снова будете вместе через день, максимум два.

Но, даже говоря это, я не верю своим словам. Марго не из тех девушек, кто расстается с парнем, а потом из прихоти снова сходится с ним. Если она что-то решила, то так и будет. Без колебаний, без сожалений. Все так, как она сказала: что сделано, то сделано.

Мне очень хочется быть похожей на Марго (эта мысль посещала меня много-много раз, так часто, что и сосчитать невозможно), потому что временами кажется, что я никогда ни в чем не могу быть уверена. Позже, после того как помыла посуду, разложила печенье на тарелке и оставила ее у подушки Китти, я ушла к себе в комнату. Свет не зажигала. Подошла к окну. У Джоша все еще горел свет.

Глава 2

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО, КОГДА МАРГО ЗАВАРИВАЕТ КОФЕ, а я раскладываю кашу по тарелкам, я высказываю сестре то, что беспокоило меня все это время:

– Так, просто, чтобы ты знала: папа и Китти сильно расстроятся.

Чуть раньше, когда мы с Китти чистили зубы, меня так и подмывало выложить ей все. Но сестренка все еще злится на меня после вчерашнего, и я промолчала. Китти даже не поблагодарила за печенье, хотя я знаю, что она съела его, потому что на тарелке остались одни крошки.

Марго тяжело выдыхает.

– И что, я должна остаться с Джошем ради тебя, папы и Китти?

– Нет, я просто говорю тебе то, что думаю.

– В любом случае, он все равно не так часто приходил бы сюда после моего отъезда.

Я нахмурилась. Мне даже на ум не приходило, что Джош прекратил бы заглядывать только из-за отъезда Марго. Он заходил к нам еще задолго до того, как они стали парочкой, поэтому я не понимаю, почему он перестал бы делать это сейчас.

– С чего ты взяла? – говорю я. – Он действительно любит Китти.

Марго нажимает кнопку «пуск» на кофе-машине. Я внимательно наблюдаю за ее действиями, потому что в нашей семье кофе варила всегда она, а не я. А теперь, когда Марго уезжает (уже через шесть дней), мне стоит узнать, как это делается. Не оборачиваясь ко мне, она произносит:

– Может быть, они даже и не узнают об этом...

– Хм, думаю, они догадаются, когда заметят, что он не провожает тебя в аэропорт, Гоу-Гоу. – Я дала Марго это прозвище в честь сапог для исполнения танца гу-гоу. – Сколько стаканов воды ты залила туда? И сколько ложек кофейных зерен положила?

– Я все тебе запишу, – уверяет меня Марго. – В блокнот.

У нас рядом с холодильником лежит специальная записная книжка. Естественно, это идея Марго. В ней записаны все важные телефонные номера, папино расписание, порядок, в котором надо подвозить детей в школу (пометка Китти). В общем, все самое необходимое.

– Проверь, не забыла ли ты записать номер новой химчистки, – напоминаю я.

– Уже сделано. – Марго нарезает банан ломтиками для своей каши, каждый кусочек – идеальной толщины. – И к тому же Джош в любом случае не поехал бы с нами в аэропорт. Ты же знаешь, как я отношусь к грустным расставаниям.

Марго строит уже давно известную мне гримасу, как бы говоря: «тьфу, эти эмоции».

Уж я-то знаю.

Когда Марго решила поступать в шотландский колледж, для меня это было подобно предательству. Хотя я знала, что она всегда мечтала учиться где-нибудь далеко от дома. И, конечно же, она собиралась поступать именно в университет Шотландии и изучать там антропологию, потому что она – Марго, девушка с картами, путеводителями и планами местности. Рано или поздно она от нас все равно бы уехала.

Тем не менее, я все еще немного злюсь на нее. Совсем чуть-чуть. Понимаю, она ни в чем не виновата. Но моя старшая сестра уезжает так далеко... Мы всегда говорили, что навечно останемся девочками Сонг. Старшая – Марго, я средняя сестра, а Китти – младшая. В свидетельстве о рождении она – Кэтрин, для нас же она просто Китти. Иногда мы зовем ее Котенком, потому что я ее так назвала, когда впервые увидела. Она была похожа на тощего, бесшерстного котеночка.

Мы девочки Сонг – нас трое. Когда-то нас было четверо. Еще моя мама, Ив Сонг. Папа звал ее Иви, мы – мамочка, все остальные называли ее Ив. Сонг – фамилия мамы. Наша же – Кави. Но мы всегда были девочками Сонг, потому что мама говорила, что ее всегда так называли, и Марго решила, мы тоже должны носить эту фамилию. Да к тому же мы больше похожи на корейнок Сонг, чем на типичных американок Кави. По крайней мере, Марго и я. Китти больше похожа на папу: у нее такие же светло-каштановые волосы, как у него. Говорят, я вылитая мама, но мне кажется, что Марго, с ее высокими скулами и темными глазами, больше похожа на нее.

Прошло почти шесть лет. Иногда кажется, что только вчера мама была здесь, а иногда, что ее вовсе не было в нашей жизни, только в мечтах.

В то утро она мыла полы – натерла их до блеска, и все вокруг пахло свежестью и лимонами. На кухне зазвонил телефон, она побежала отвечать и поскользнулась. Ударилась головой об пол и потеряла сознание. Когда же мама очнулась, с ней все было в порядке. Это была короткая ремиссия. Немного позже она пожаловалась на головную боль и прилегла на кушетку отдохнуть, но так и не проснулась.

Маму нашла Марго. Ей тогда было всего двенадцать. Она обо всем позаботилась: позвонила в службу спасения 911, связалась с папой. Она велела мне присмотреть за Китти, которой на тот момент было три года. Я включила телевизор в игровой комнате и осталась с сестренкой. Это все, чем я помогла в

тот день. Не знаю, что бы я делала, если бы Марго не было рядом. Несмотря на то, что она всего на два года старше меня, я всегда равняюсь на Марго больше, чем на кого-либо другого.

Когда взрослые узнавали, что мой папа – отец-одиночка с тремя дочками, они восхищенно качали головой, задаваясь вопросом: «Как это у него получается? Как он вообще умудряется справляться со всем в одиночку?» Ответ прост – это все Марго. Она с самого начала была нашим «органайзером»: все помечено, распланировано и расставлено аккуратными, ровными рядами.

Марго хорошая девушка, и я полагаю, что мы с Китти последовали ее примеру. Я никогда не жульничала, не напивалась и не курила сигареты, я даже не встречалась с парнем. Мы часто подразываем папочку, говоря, какой он счастливчик, раз у него такие хорошие дочери. Но правда в том, что это мы счастливицы. Он действительно очень хороший отец. И старается изо всех сил. Папа не всегда понимает нас, но он старается, а это самое главное. Между нами, тремя девочками Сонг, есть негласное соглашение: сделать жизнь папы настолько легкой, насколько это возможно. Хотя, может быть и не такое уж негласное, потому что я много раз слышала, как Марго говорит: «Шшш, тише, папочка прилег вздремнуть перед тем, как ему снова придется вернуться в больницу» или «Не тревожь папу, сделай это сама».

Я спрашивала Марго, как она считает, что было бы, если бы мама не умерла. Проводили бы мы больше времени с корейскими родственниками со стороны мамы, а не только встречались с ними на День благодарения и Новый год? Или же...

Марго не видит смысла в подобных размышлениях. Такова наша жизнь: в ней нет места для «а что, если бы...». Никто никогда не сможет дать ответа. Я стараюсь, изо всех сил стараюсь, но мне сложно принять такой образ мысли. Я всегда размышляла над тем «а что если», над неизбранным путем.

Папа с Китти вместе спускаются вниз. Марго наливает папе чашку черного кофе, а я добавляю молоко в кашу Китти и пододвигаю ей тарелку. Сестренка отворачивается от меня, достает йогурт из холодильника и уносит его в гостиную, чтобы поесть перед телевизором. Вывод: она все еще злится на меня.

– Сегодня я собираюсь заехать в «Костко»[2 - «Костко» – сеть магазинов.], поэтому, девочки, составьте список покупок, – говорит папа, делая большой глоток кофе. – Думаю, подкупить немного бифштексов «Нью-Йорк» на ужин. Мы могли бы поджарить их на гриле. Захватить один для Джоша?

Моя голова резко поворачивается в сторону Марго. Она открывает рот и тут же его закрывает. А затем произносит:

– Нет, папочка, купи только для нас четверых.

Я одариваю ее упрекающим взглядом, но она игнорирует меня. Никогда прежде не думала, что Марго может струсить, но, полагаю, что в делах сердечных нельзя предсказать, как себя поведет человек.

Глава 3

ВОТ И НАСТАЛИ ПОСЛЕДНИЕ ДНИ ЛЕТА и наши последние дни с Марго. В целом, может быть, это и не так плохо, что они с Джошем расстались, ведь так мы сможем больше времени проводить втроем. Уверена, она продумала это. Наверняка, это было частью ее плана.

Когда мы выезжаем из нашего квартала, то замечаем пробегающего мимо Джоша. В прошлом году он занялся легкой атлетикой и теперь постоянно бегают. Китти окликает его, но окна в машине подняты, да и к тому же Джош притворяется, что не слышит ее.

– Развернись! – просит Китти Марго. – Может, он захочет пойти с нами.

– Сегодня только день девочек Сонг, – напоминаю я.

Остаток утра мы проводим в «Таргете»[3 - «Таргет» – сеть магазинов.], в последнюю минуту вспоминая, что надо купить разную мелочь, типа медово-ореховые крекеры «Чекс» в самолет, дезодорант и резинки для волос. Мы позволяем Китти везти тележку, и она выделяет свой любимый трюк: разбегаются, а затем катится на тележке, словно на колеснице. Марго разрешает

ей проделать это парочку раз, прежде чем заставляет остановиться, чтобы не раздражать других покупателей.

Потом мы возвращаемся домой, готовим обед: салат из курицы и зеленого винограда. Незаметно приходит время отправляться на соревнования по плаванию, в которых участвует Китти. Мы упаковываем сэндвичи из ветчины и сыра и фруктовый салат, берем ноутбук, чтобы посмотреть на нем фильмы, так как соревнования могут продлиться до глубокой ночи. Мы заранее подготовили плакат, гласящий: «Вперед, Китти, вперед!». Я нарисовала на нем собаку.

Так получилось, что папа не сможет прийти на соревнования, потому что он принимает роды, а это довольно-таки уважительная причина. (Как мы потом узнали, родилась девочка. Родители назвали ее Патриция Роуз в честь ее двух бабушек. Папа всегда узнает для меня имена. Это первое, что я обычно спрашиваю, когда он возвращается домой после родов.)

Китти настолько взволнована – она заняла два первых места и одно второе, – что забывает поинтересоваться, где же Джош, пока мы не оказываемся в машине, чтобы поехать домой. Она сидит на заднем сиденье с обмотанным вокруг ее головы полотенцем, как в тюрбане, а ее ленты победителя свисают с ушей словно сережки. Китти подается вперед и спрашивает:

– Погодите! А почему Джош не пришел на соревнование?

Я вижу, как смутилась Марго, поэтому отвечаю за нее. Возможно, единственное, в чем я лучше старшей сестры, так это во вранье.

– Ему пришлось сегодня работать в книжном магазине, хотя он очень хотел прийти.

Марго протягивает мне руку и в благодарность слегка сжимает мою ладонь.

Выпячивая нижнюю губу, Китти говорит:

– Это было последнее соревнование! Он обещал, что придет посмотреть, как я плаваю.

– Но все случилось в последний момент, – заверяю я. – Он не смог отпроситься с работы в эту смену, потому что у одного из его коллег ЧП.

Китти понимающе кивает. Несмотря на то, что порой она ведет себя совсем как ребенок, Китти знает, что такое непредвиденные смены.

– Давайте купим по заварному мороженому[4 - Заварное мороженое – десерт, похожий на обычное мороженое, но сделанный из яиц, сливок и сахара.], – неожиданно предлагает Марго.

Китти сияет от радости, забыв о Джоше с его мнимой непредвиденной сменой.

– Да! Я хочу вафельный рожок! Можно мне вафельный рожок с двумя шариками? Хочу с мятной стружкой и козинаками. Нет, с радужным щербетом и двойной шоколадной глазурью. Нет, постой...

Я поворачиваюсь к ней.

– Ты не осилишь два шарика в вафельном рожке, – говорю я ей. – Может, ты смогла бы съесть два шарика в стаканчике, но никак не в рожке.

– Нет, я смогу. Сегодня точно смогу. Я умираю с голоду.

– Отлично, но если ты все не съешь, то пеняй на себя, – пугаю я, грозя пальцем, от чего она закатывает глаза и хихикает. Что же касается меня, то я всегда беру вишнево-шоколадное заварное мороженое в сахарном рожке.

Марго заезжает в автокафе, и, пока мы дожидаемся своей очереди, я говорю:

– Держу пари, у них в Шотландии нет заварного мороженого.

– Наверное, нет, – соглашается она.

– И ты не сможешь полакомиться ни одним из них до Дня благодарения, – продолжаю я.

Марго глядит прямо перед собой.

– До Рождества, – произносит она, поправляя меня. – Ты же понимаешь, на День благодарения слишком мало выходных, чтобы проделывать весь этот путь домой и обратно?

– Этот День благодарения будет отстойным, – надувает губки Китти.

Я молчу. Мы никогда не встречали День благодарения без Марго. Она всегда готовит индейку с запеченными в сливках брокколи и луком. Я делаю пироги (с тыквой и орехами пекан) и картофельное пюре. Китти же все дегустирует и накрывает на стол. Я не знаю, как запекать индейку. Придут обе наши бабушки. Нана, папина мать, любит Марго больше нас всех. Она говорит, что Китти изматывает ее, а я слишком мечтательная.

Внезапно меня охватывает чувство паники, становится трудно дышать, и даже вишнево-шоколадное заварное мороженое не спасает. Я не могу представить себе День благодарения без Марго. Даже следующий понедельник вообразить без нее не могу. Знаю, что большинство сестер не ладят между собой, но мы близки с Марго больше, чем с кем-либо в мире. Как мы можем быть девочками Сонг без одной из нас?

Глава 4

КРИС – МОЯ САМАЯ ДАВНЯЯ ПОДРУГА. Она курит, постоянно встречается с парнями, которых едва знает, и даже два раза была отстранена от школьных занятий. Однажды ей пришлось предстать перед судом из-за своих прогулов. До знакомства с ней я и не знала, что это такое. FYI[5 - FYI (англ. «For Your Information») – К вашему сведению.]: нам грозят серьезные проблемы с законом, если мы часто пропускаем школу.

Я уверена, что если бы мы с Крис встретились сейчас, то не подружились бы. Мы совершенно разные, как черное и белое. Но так было не всегда. В классе шестом Крис, как и я, предпочитала спокойствие и ночевки. Ей нравилось оставаться у меня в гостях и всю ночь смотреть фильмы Джона Хьюза. Однако к восьмому

классу все изменилось: она приходила ко мне якобы с ночевкой, тайком ускользала из дома, когда мой отец засыпал, чтобы встретиться с парнями, с которыми она знакомилась в торговом центре. Они привозили ее обратно на рассвете. В такие ночи я не спала, нервничая и переживая, что Крис не успеет вернуться до пробуждения папы, но она всегда прибывала вовремя.

Она не из тех подружек, с которыми можно встречаться каждый вечер или обедать каждый день. Ее можно сравнить с уличной кошкой, которая гуляет сама по себе. Крис нельзя связать с каким-либо местом или человеком. Иногда я не вижу ее днями, а затем посреди ночи кто-то стучит в окно моей спальни, и это оказывается Крис, притаившаяся в ветвях магнолии. Я никогда не закрываю окно – на случай ее появления. Крис с Марго терпеть не могут друг друга. Моя подруга считает Марго озлобленной, Марго же думает, что Крис – двуличная. Она уверена: Крис использует меня; Крис же, в свою очередь, считает, будто Марго управляет мной. Возможно, они обе немного правы. Но вот что важно – действительно важно – мы с Крис понимаем друг друга, и не важно, что думают другие.

Крис звонит мне по дороге к нашему дому, чтобы доложить, что ее мама ведет себя как сучка, и она собирается заглянуть ко мне на пару часиков и по ходу дела интересуется, есть ли у нас еда.

Сидя в гостиной, мы с Крис доедаем из общей миски остатки клецек. В это время Марго приходит домой: она отвезла Китти на барбекю, которое устроили для команды по случаю окончания плавательного сезона.

– О, привет, – говорит она. А затем бросает взгляд на стакан диетической колы, который Крис оставила на журнальном столике, не подложив под него подставку. – Ты могла бы, пожалуйста, использовать подставку для стакана?

Как только Марго поднимается по лестнице, Крис произносит:

– Боже! Почему твоя сестра такая сучка?

Я подкладываю подставку под ее стакан.

– Ты сегодня всех так называешь.

– Потому что все они такие, – Крис закатывает глаза и громко добавляет: – Ей бы вытащить занозу из своей задницы.

Марго кричит из своей комнаты:

– Я вообще-то все слышу!

– А я и хотела, чтобы ты услышала! – кричит Крис в ответ, соскребая последний кусочек клецки.

Я вздыхаю.

– Она скоро уезжает.

Злобно посмеиваясь, Крис говорит:

– Так что, Джоши типа собирается зажигать для нее свечу каждую ночь, до тех пор пока она не вернется?

Я колеблюсь. Хотя я не уверена, тайна ли это, но наверняка Марго бы не хотела, чтобы Крис знала о ее личных делах. Я просто говорю:

– Не уверена.

– Погодь минутку. Она бросила его?! – спрашивает Крис.

Я неохотно киваю.

– Но ничего ей не говори, – предупреждаю я. – Ей все еще действительно грустно из-за этого.

– Марго? Грустно? – Крис ковыряет свои ногти. – Твоей старшей сестренке не присущи нормальные человеческие чувства, как всем остальным.

– Ты просто ее не знаешь, – говорю я. – Кроме того, не могут же все быть такими, как ты.

Она ухмыляется, будто скалится. У нее острые резцы, из-за которых она всегда кажется немного голодной.

– Это верно.

Крис – неиссякаемый источник эмоций. Она шумит без причины. Подруга говорит, что иногда нужно открыто показывать свои чувства, а иначе они постепенно отравят организм. На днях Крис накричала на даму в продуктовом магазине, потому что бедняжка нечаянно наступила ей на ногу. Не думаю, что моей подруге грозит эмоциональное отравление.

– Просто не могу поверить, что через несколько дней она уедет, – говорю я, внезапно всхлипывая.

Лара Джин, она же не умирает. Нет причин плакать. – Крис тянет болтающийся шнурок своих красных шорт. Они настолько короткие, что, когда она сидит, можно увидеть ее нижнее белье. Которое тоже красное, чтобы гармонировало с шортами. – На самом деле, я считаю, что это к лучшему. Пора бы тебе заняться своими собственными делами и перестать слушать все то, что говорит Королева Марго. Это твой предпоследний год, сучка, в котором должно все измениться в лучшую сторону. Охмуряй парней, отрывайся, поживи хоть немного.

– Я живу достаточно, – отвечаю я.

– Ага, как в доме престарелых, – Крис похихикивает, и я пристально смотрю на нее.

Марго начала волонтерскую деятельность в Пенсионном сообществе Бельвью, когда получила водительские права. Ее работа заключалась в том, чтобы организовывать вечеринки для членов этого сообщества. Иногда и я ей помогала. Мы подавали арахис и разливали напитки, и Марго играла на пианино, но, как правило, Сторми прибирала его к рукам. Сторми – дива Бельвью. Она правит всем балом. Мне нравится слушать ее рассказы. Но мисс Мэри тоже хороша, возможно, она не так ловка в беседе из-за ее слабоумия, зато научила меня вязать.

Теперь у них есть новый волонтер, но я-то знаю: чем больше их в Бельвью, тем веселее, потому что у большинства обитателей очень мало посетителей. Мне нужно будет вскоре вернуться к этому занятию, я скучаю по поездкам туда. И, естественно, мне не нравится, что Крис над этим смеется.

– Те люди в Бельвью прожили жизни полнее, чем все, кого мы знаем вместе взятых, – говорю я ей. – Есть одна дама, Сторми, она была девушкой из Объединенной Организации Военной Службы! Она, бывало, получала по сотне писем в день от влюбленных в нее солдат. И был один солдат, потерявший ногу, – он послал ей бриллиантовое кольцо!

Внезапно у Крис проснулся интерес.

– Она оставила его?

Оставила, – говорю я. Думаю, было неправильно с ее стороны оставлять кольцо себе, поскольку у нее не было намерений выходить за парня замуж, но она показала его мне, и оно было прекрасно. С розовым бриллиантом, очень редким. Готова поспорить, теперь оно стоит намного дороже.

– Полагаю, Сторми – еще та штучка, – произносит Крис с завистью.

– Ты могла бы пойти со мной в Бельвью как-нибудь, – предлагаю я. – Мы бы заглянули к ним во время коктейля. Мистер Перелли обожает танцевать с новенькими девушками. Он научит тебя фокстроту.

Крис стряпает ужасную гримасу, словно я предложила ей пойти тусоваться на городской свалке.

– Нет, спасибо. А как насчет того, что я возьму тебя на танцы? – она кивает подбородком в сторону лестницы. – Теперь, когда твоя сестра уезжает, мы можем реально повеселиться. Ты же знаешь, я всегда развлекаюсь.

Это верно, Крис вечно развлекается. Порой даже слишком много.

Глава 5

В НОЧЬ ПЕРЕД ОТЪЕЗДОМ МАРГО мы все втроем помогаем упаковывать последние мелочи в ее комнате. Китти аккуратно и красиво складывает ваннные принадлежности в чистый контейнер для душа. Марго пытается решить, какую верхнюю одежду взять.

– Куртку и пуховик или только куртку? – спрашивает она меня.

– Куртку, – отвечаю я. – Она подойдет к любому случаю.

Я лежу на кровати и руковожу процессом.

– Китти, убедись, что колпачок лосьона хорошо закрыт.

– Он же абсолютно новый – разумеется, он хорошо закрыт! – бубнит Китти, но все равно перепроверяет.

– В Шотландии холодает раньше, чем здесь, – размышляет Марго, сворачивая пуховики и укладывая их в чемодан сверху. – Думаю, я все-таки возьму оба.

– Зачем тогда спрашивать, если уже решила, – удивляюсь я. – Кроме того, я думала, что ты приедешь домой на Рождество. Ты же приедешь на Рождество, верно?

– Да, если ты перестанешь ныть, – отвечает Марго.

По правде говоря, она собрала мало вещей. Ей нужно совсем немного. Если бы я собиралась, то упаковала бы всю свою комнату. Но Марго не такая. В ее комнате ничего не изменилось, ну, почти ничего.

Марго сидит рядом со мной, Китти подползает и присаживается в изножье кровати.

– Все меняется, – произношу я, вздыхая.

Марго морщится и обхватывает меня руками.

- Ничего не меняется, по крайней мере, не совсем. Мы же девочки Сонг навечно, помнишь?

Отец стоит в дверях. Он стучится, хотя дверь открыта, и мы его прекрасно видим.

- Я начну загружать вещи в машину, - заявляет он. Мы с постели наблюдаем, как папа спускает вниз один чемодан, а затем приходит за другим. Он иронично добавляет:

- Ах, нет, что вы, не вставайте! Не утруждайте себя!

- Не беспокойся, мы не будем, - вторим мы.

Всю прошедшую неделю папа пребывал в весенне-очистительном режиме, хотя сейчас вовсе не весна. Он избавился от всего: хлебопечки, которой мы никогда не пользовались, CD-дисков, старых одеял, маминой старой пищащей машинки. Все это отправится в Гудвил. Психиатр наверняка увидел бы связь между этой уборкой и отъездом Марго, но я не могу дать точное значение происходящего. Что бы то ни было - это раздражает. Мне дважды пришлось отгонять его от своей коллекции хрустальных единорогов.

Я опускаю голову на колени Марго.

- Ну, ты действительно приедешь домой на Рождество, правда?

- Правда.

- Жаль, что я не могу поехать с тобой, - дует губки Китти. - Ты лучше Лары Джин.

Я щипаю ее.

- Видишь? - злорадствует она.

– Лара Джин будет милой, – говорит Марго, – если ты будешь хорошо себя вести. И вам обеим придется позаботиться о папе. Следите, чтобы он не работал слишком много по субботам. И чтобы не забыл отвезти машину на техосмотр в следующем месяце. Да, и еще купите фильтры для кофе – вы вечно забываете про них.

– Так точно, сержант-инструктор, – хором отвечаем мы.

Я стараюсь найти признаки печали, страха или беспокойства на лице Марго, хоть какой-нибудь знак того, что ей страшно уезжать так далеко и что она будет так же сильно скучать по нам, как и мы по ней. Но не нахожу их.

Этой ночью мы все вместе спим в комнате Марго.

Китти как всегда засыпает первой. Я лежу в темноте возле нее с открытыми глазами. Не могу уснуть. Мысль, что завтра ночью Марго не будет в этой комнате, сильно расстраивает меня, это просто невыносимо. Больше всего на свете ненавижу перемены.

В темноте Марго спрашивает:

– Лара Джин... Ты когда-нибудь была влюблена? Любила по-настоящему?

Она застала меня врасплох. У меня нет для нее готового ответа. Я пытаюсь что-нибудь придумать, но она продолжает:

– Жаль, что я была влюблена только один раз. Считаю, в старшей школе ты должна влюбиться минимум дважды.

Затем она тихонько вздыхает и засыпает. Вот так засыпает Марго: один мечтательный вздох, и она уже в стране грез. У нее все так просто.

Я просыпаюсь посреди ночи. Марго рядом нет. Китти лежит на боку, свернувшись калачиком возле меня. Стоит кромешная тьма, и только лунный свет просачивается сквозь занавески. Я выползаю из постели и подхожу к окну. У меня перехватывает дыхание. Вот они: Джош с Марго стоят на подъездной

дорожке. Марго смотрит на луну, а не на Джоша. Он плачет. Они не касаются друг друга. Между ними достаточно места. Ясно, что Марго не передумала.

Я опускаю занавески и пробираюсь обратно к кровати, на которой Китти уже перекадилась в центр. Я отодвигаю ее обратно на несколько сантиметров так, чтобы хватило места и для Марго. Мне жаль, что я увидела их там. Этот момент был слишком личным, слишком реальным и касался только их двоих. Если бы был способ «развидеть» это, я бы им воспользовалась.

Я переворачиваюсь на бок и закрываю глаза. Вот как должно быть, когда ты настолько сильно нравишься парню, что он плачет из-за тебя. А это не просто какой-то парень. А Джош. Наш Джош.

Я знаю ответ на вопрос Марго. Да. Думаю, я была по-настоящему влюблена. Хотя только раз. В Джоша. Нашего Джоша.

Глава 6

А ВОТ ИСТОРИЯ О ТОМ, КАК МАРГО И ДЖОШ стали встречаться. Как это ни странно, об этом я впервые узнала именно от Джоша.

Это началось два года назад. После школы мы сидели в библиотеке. Я делала домашнюю работу по математике, а Джош помогал, потому что он всегда был силен в ней. Мы сидели, склонив головы над страницей, настолько близко друг к другу, что я могла ощущать запах мыла, которым он пользовался этим утром. Ирландская Весна.

Вдруг Джош произнес:

– Мне нужно кое в чем посоветоваться с тобой. Мне нравится одна девушка.

На долю секунды я подумала, что он намекает на меня. Решила, что собирается признаться мне в своих чувствах. Надеялась на это. Было начало учебного года. А в августе мы почти каждый день проводили вместе с Джошем, иногда еще и с Марго, но в основном только вдвоем, потому что у сестры три дня в неделю была

стажировка на плантации Монтпилиер. Мы много купались, и к концу лета у меня появился прекрасный бронзовый загар. Так что на долю секунды я подумала, что он собирался произнести мое имя.

Но затем я увидела, как он смутился, покраснел и уставился куда-то в пустоту, и я поняла: причина не во мне.

Я мысленно пробежалась по списку возможных девушек. Он оказался очень коротким. Джош никогда не тусовался с толпами девчонок. У него был один лучший друг – Джерси Майк, который переехал из Нью-Джерси, и еще один, Бен. Кажется, все.

В списке «потенциальных возлюбленных» была Эшли, из команды по волейболу. Он однажды выделил ее, как самую симпатичную из всех младшекласниц. По правде говоря, я заставила его это сделать, попросив назвать по самой красивой девушке из каждого класса. Самой привлекательной девятиклассницей (на то время я была в девятом классе) он назвал Женевьеву. Не то, чтобы я была сильно удивлена, но все же в моем сердце что-то неприятно кольнуло.

Еще это могла быть Джоди, студентка из книжного магазина. Джош часто говорил, что она умна и очень образованна (она училась в Индии и теперь была буддисткой). Ха! А ведь я была наполовину корейкой, я научила Джоша есть палочками. Именно у меня дома он впервые попробовал кимчи [б - Кимчи – блюдо корейской кухни, представляющее собой остро приправленные квашеные овощи, в первую очередь пекинскую капусту.].

Я собиралась спросить его, кто же эта счастливица, когда подошла библиотекарь и шикнула на нас. Потом мы снова вернулись к написанию домашки, и Джош больше не поднимал эту тему.

Честно говоря, мне и не хотелось знать. Этой девушкой точно была не я, остальное меня не заботило.

Я даже не могла представить, что Марго была той, которая ему нравилась. Не то чтобы я не рассматривала ее как девушку, которая могла бы ему приглянуться. Ее и раньше приглашали на свидания, но только парни определенного типа: умные ребята, которые могли бы быть ее напарниками по химии и соперничать с ней за звание главы студсовета. Наверное, не так уж и удивительно, что Джошу

понравилась Марго, ведь он того же поля ягода.

Если кто-нибудь попросил бы меня описать Джоша, я бы сказала: самый обыкновенный. Он похож на ребят, которые (весьма предсказуемо) хорошо разбираются в компьютерах, называют комиксы графическими романами и все в таком духе. У него самые обычные каштановые волосы. Без какого-либо примечательного оттенка или отлива. Самые обычные зеленые глаза, слегка замутненные в центре. Джош худой, но сильный. Уж поверьте, я знаю, потому что однажды я вывихнула лодыжку на старом бейсбольном поле, и он нес меня на спине всю дорогу домой. У него есть веснушки, из-за которых он выглядит моложе. И ямочка на левой щеке. Мне всегда нравилась эта ямочка. Без нее у него было бы слишком серьезное лицо.

Вот что удивительно, даже шокирующе – Марго ответила ему взаимностью. Это необычно не из-за того, что с Джошем что-то не так, просто нужно знать характер Марго. Я никогда не слышала о том, чтобы она когда-нибудь говорила о понравившемся ей парне, ни разу. Я, например, взбалмошная болтуня, как бы назвала меня моя «белая» бабушка. Марго не такая. Марго всегда была выше этого. Она обитала на некой высокой плоскости, где подобные вещи: мальчики, косметика, шмотки – не имели никакого значения.

... Это произошло внезапно. В тот октябрьский день Марго поздно вернулась из школы – она работала над проектом. Ее щечки были розовыми от холодного горного воздуха, волосы заплетены в косу, а вокруг шеи был обмотан шарф. Было обеденное время, я приготовила курицу с пармезаном и спагетти в томатном соусе.

Она пришла на кухню и объявила:

– Я должна вам кое-что сказать.

Ее глаза ярко блестели. Помню, что она разматывала с шеи шарф.

Китти делала домашнюю работу за кухонным столом, папа был еще на пути домой, а я помешивала соус.

– Что? – хором спросили мы.

– Я нравлюсь Джошу. – Марго довольно пожала плечами, едва не достав ими до ушей.

Я замерла. А затем уронила деревянную ложку в соус.

– Джошу? Джошу?! Нашему Джошу? – Я даже смотреть на нее не могла. Боялась, она что-то заметит.

– Да. Он подождал меня сегодня после школы, чтобы признаться. Он сказал... – Марго печально улыбнулась. – Он сказал, что я девушка его мечты. Вы можете в это поверить?

– Вау, – произнесла я, пытаюсь выразить счастье в этом слове, но не знаю, прозвучало ли оно именно так. Все, что я ощущала, – отчаяние. И зависть. Зависть настолько черную и сильную, что казалось, я задыхаюсь. Потому я попыталась снова, но на этот раз с улыбкой: – Ух ты, Марго.

– Вау, – отозвалась эхом Китти. – Итак, вы теперь пара?

Я затаила дыхание, ожидая ее ответа.

Марго пальцами взяла щепотку пармезана и забросила ее в рот.

– Да. Думаю, что так. – А потом она улыбнулась, и ее глаза стали нежными и ясными. И тогда я поняла, что он ей тоже нравится. Очень сильно.

В тот вечер я написала Джошу письмо.

«Дорогой Джош...»

Я много плакала. Вот так легко рухнули мои мечты. Для меня все закончилось, так и не начавшись. Важно было не то, что Джош выбрал Марго. А то, что Марго выбрала его.

Вот так оно и было. Я выплакала все глаза, написала письмо и успокоилась. И с тех пор я больше о нем не думала в этом плане. Им с Марго суждено было быть вместе. Они – СДДД. Созданы друг для друга.

Когда Марго возвращается обратно в постель, я еще не сплю, но быстро закрываю глаза и притворяюсь спящей. Китти свернулась клубочком возле меня.

Я слышу всхлипывающий звук и краем глаза поглядываю на Марго. Она лежит к нам спиной, ее плечи трясутся. Она плачет.

Марго никогда не плачет.

Теперь, когда я вижу рыдающую Марго, я уверена, больше чем когда-либо, – между ними еще не все кончено.

Глава 7

НА СЛЕДУЮЩИЙ ДЕНЬ МЫ ВЕЗЕМ МАРГО В АЭРОПОРТ. Мы загружаем ее чемоданы на тележку для багажа, Китти пытается забраться наверх и потанцевать, но папа тут же стягивает ее. Марго настаивает на том, чтобы пойти дальше одной, как она и собиралась сделать.

– Марго, разреши мне хотя бы отвезти твои сумки на регистрацию, – говорит папа, стараясь обойти ее вокруг. – Хочу посмотреть, как ты проходишь досмотр.

– Со мной все будет хорошо, – в сотый раз уверяет она. – Я и раньше летала. И знаю, как сдавать багаж. – Она встает на цыпочки и обнимает папу за плечи. – Я позвоню, как только доберусь, обещаю тебе.

– Звони каждый день, – шепчу я. Ком в горле становится больше, и несколько слезинок стекают по щекам. Я надеялась, что не буду плакать, потому что знала, что Марго точно не будет, а одной плакать – одиноко, но я ничего не могу с собой поделать.

– Не смей забывать нас, – предупреждает Китти.

Ее слова заставляют Марго улыбнуться.

– Я бы никогда не смогла. – Она еще раз обнимает нас по очереди. Меня же оставляет напоследок, как я и предполагала. – Позаботься хорошенько о папе с Китти. Теперь ты за все отвечаешь.

Я не хочу ее отпускать, поэтому крепко обнимаю. Я все еще надеюсь и жду какого-нибудь признака, некого намека на то, что она будет скучать по нам так же сильно, как и мы по ней. Она смеется, и я отпускаю ее.

– Пока, Гоу-Гоу, – говорю я, вытирая глаза краешком рубашки.

Мы все наблюдаем, как она толкает багажную тележку к стойке регистрации. Я плачу навзрыд, утирая слезы тыльной стороной руки. Папа одной рукой обнимает меня, а другой – Китти.

– Мы подождем, пока она не встанет в очередь на досмотр, – говорит он.

Когда Марго проходит регистрацию, она оборачивается и смотрит на нас сквозь стеклянные двери. Поднимает руку и машет, а затем направляется к линии досмотра. Мы глядим ей вслед, надеясь, что она обернется еще разок, но она не оглядывается. Она уже, кажется, так далеко от нас. Круглая отличница, вечно самостоятельная. Когда придет мое время уезжать, сомневаюсь, что я буду такой же сильной, как Марго. Но, откровенно говоря, кто вообще может быть настолько сильным?

Я плачу всю дорогу домой. Китти говорит, что я еще больший ребенок, чем она, но потом с заднего сиденья она хватается мою руку и сжимает. И я знаю, ей тоже грустно.

Даже несмотря на то, что Марго не была шумной, дома совсем тихо. Как-то пусто. Каково будет, когда через два года уеду я? Что будут делать папа с Китти? Мне ненавистна мысль о том, как они вдвоем возвращаются в пустой, мрачный дом, где нет ни меня, ни Марго. Может быть, я уеду недалеко и даже буду жить дома, по крайней мере, первый семестр. Думаю, так было бы правильнее.

ПОЗЖЕ ДНЕМ ЗВОНИТ КРИС И ПРЕДЛАГАЕТ ВСТРЕТИТЬСЯ в торговом центре. Она хочет посоветоваться по поводу кожаной куртки, а чтобы достичь полного эффекта, я должна увидеть ее лично. Я горжусь тем, что она спрашивает моего совета, да и рада просто выбраться из дома, отвлечься и не грустить. Но я нервничаю по поводу того, что мне придется ехать в торговый центр одной. По правде говоря, я (да и другие) посчитали бы меня пугливым водителем.

Я спросила Крис, может ли она просто прислать фотографию, но подруга слишком хорошо меня знает. Она ответила:

- Не-а. Лара Джин, тащи свою задницу сюда. Ты никогда не станешь лучше водить, если не смиришься и не перестанешь бояться.

Так что сейчас я еду на машине Марго в торговый центр. Не то чтобы у меня не было прав, просто я очень неуверенно чувствую себя за рулем. Папа множество раз давал мне уроки вождения, да и Марго тоже. С ними в автомобиле я чувствую себя хорошо, но нервничаю, когда езжу одна. Больше всего меня пугает та часть дороги, где нужно менять полосу. Мне не нравится отрывать взгляд от происходящего прямо передо мной. Даже на секунду. А еще я не люблю ездить слишком быстро.

Но самое худшее – у меня есть привычка теряться. Единственные места, куда я могу абсолютно уверенно доехать, – школа и магазин. Я никогда не запоминала дорогу до торгового центра, потому что нас отвозила туда Марго. Но теперь мне надо постараться, потому что ответственность за Китти лежит на мне. Хотя, по правде говоря, она лучше ориентируется, чем я, и знает, как доехать до многих мест. Слышать от младшей сестры наставления по поводу маршрута я не желаю. Мне хочется ощущать себя старшей. Хочется, чтобы сестренка расслабилась на пассажирском сиденье, уверенная, что Лара Джин отвезет ее туда, куда ей нужно, точно так же, как я чувствовала себя с Марго.

Конечно, можно было бы воспользоваться GPS, но я почувствовала бы себя глупо и неловко, следуя маршруту до торгового центра, где была миллион раз. Это должно было прийти ко мне интуитивно, легко, о чем я даже не задумывалась. Вместо этого я переживаю из-за каждого поворота, предугадывая каждый дорожный знак – это север или юг? Мне надо повернуть направо здесь или на следующем повороте? Мне никогда не приходилось обращать на это внимание.

Но сегодня все идет хорошо. Я слушаю радио, подтанцовывая под музыку, и даже веду машину только одной рукой, чтобы симулировать уверенность, потому что чем больше притворяешься, тем скорее ты сам поверишь.

Все идет так хорошо, что я выбираю короткий путь вместо основного. Срезав через примыкающий квартал, тут же задаюсь вопросом: «А было ли это такой уж гениальной идеей?». Через пару минут все выглядит не таким уж и знакомым, и я понимаю, что должна была свернуть налево, а никак не направо. Пытаюсь заглушить панику, поднимающуюся в моей груди, я стараюсь вернуться прежним путем.

«Ты сможешь сделать это, у тебя все получится».

Впереди четырехсторонний знак «стоп». Не замечая никого, мчусь дальше. Я даже не обращаю внимания на машину, едущую на меня справа, но чувствую ее, прежде чем заметить. Я неистово ору. Во рту ощущается привкус меди. У меня кровь? Я откусила язык? Дотрагиваюсь до него, он все еще на месте. Сердце бешено бьется, все тело становится влажным и липким. Я стараюсь сделать глубокий вздох, но, кажется, будто мне не хватает воздуха.

У меня трясутся ноги, когда я выбираюсь из машины. Водитель из другого автомобиля уже вышел, осматривает свою машину со скрещенными на груди руками. Он седой, явно старше моего папы, одет в шорты с красными омарами. Его автомобиль в порядке, у моего же огромная вмятина на боку.

– Разве ты не видела знак «стоп»? – спрашивает он. – Эсэмэски писала, да?

Я качаю головой. Горло сжало. Не хочу расплакаться. Пока я не плачу... По-видимому, он увидел мое состояние. Морщинка раздражения на его лбу смягчилась.

– Ну, с моей машиной, похоже, все нормально, – неохотно говорит он. – Ты-то в порядке?

Я киваю.

– Мне очень жаль, – произношу я.

– Детям нужно быть более осторожными, – заявляет он, не замечая моих извинений.

Комок в горле становится больше.

– Я очень-очень сожалею, сэр.

Он издает звук, похожий на хрюканье.

– Тебе бы позвонить кому-нибудь, чтобы за тобой приехали, – говорит мужчина. – Хочешь, я подожду?

– Нет, спасибо. – А что если он серийный убийца или растлитель малолетних? Я не хочу оставаться наедине с незнакомым человеком.

И затем он уезжает.

Как только мужчина уехал, мне пришло на ум, что, возможно, нам следовало вызвать полицию, пока он был здесь. Разве не нужно всегда вызывать полицию, когда попадаешь в аварию? Уверена, в автошколе об этом говорили. Итак, еще один мой промах.

Я усаживаюсь на бордюр и плююсь на свою машину. Всего два часа за рулем, а уже умудрилась попасть в аварию! Я опускаю голову на колени и сижу, сжавшись в комок. Начинает болеть шея. Нервы не выдержали, и я разрыдалась. Папа точно не будет счастлив. Марго тоже не обрадуется. Оба наверняка скажут, что не стоит мне разъезжать по городу без присмотра. И возможно будут правы. Вождение автомобиля – это огромная ответственность. Может быть, я еще не готова к этому. А может быть, никогда не буду готова. Возможно, даже когда я состарюсь, сестрам или папе придется возить меня, потому что я такая бестолковая.

Я вытаскиваю телефон и звоню Джошу. Когда он снимает трубку, я говорю:

– Джош, можешь сделать мне од-од-одолжение? – Мой голос так сильно дрожит, что мне неловко.

Конечно же, он это заметил, ведь это Джош. Он сразу же напрягается и спрашивает:

- Что случилось?

- Я только что попала в автомобильную аварию и даже не знаю, где нахожусь. Можешь приехать и забрать меня? - я трясусь.

- Ты ранена? - спрашивает Джош.

- Нет, со мной все в порядке. Я просто... - Если я скажу еще слово, то разревусь.

- Какие видишь уличные знаки? Какие магазины?

Я вытягиваю шею, чтобы посмотреть.

- Фальстон, - отвечаю я и высматриваю ближайший почтовый ящик. - Я на Фальстон Роуд, 8109.

- Я уже еду. Хочешь, чтобы я оставался на связи?

- Да нет, все нормально. - Я кладу трубку и начинаю плакать.

Не знаю, как долго я сижу и плачу, но еще один автомобиль подъезжает и останавливается передо мной. Поднимаю глаза. Это черный «Ауди» с тонированными стеклами - машина Питера Кавински. Стекло автомобиля опускается.

- Лара Джин? С тобой все в порядке?

Я киваю головой и показываю ему, чтобы он ехал дальше. Питер снова закрывает окно, и мне кажется, что он действительно собирается уезжать, но затем он съезжает на обочину и паркуется. Питер выходит и начинает осматривать мою машину.

- Ты реально лажанулась, - говорит он. - Ты хоть записала страховую информацию другого водителя?

- Нет, с его машиной все было в порядке, - я украдкой вытираю рукой щеки. - Это моя вина.

- У тебя есть «Тройное А»[7 - Тройное «А» - Автомобильная Ассоциация Америки.]?

Я киваю.

- И ты им уже позвонила?

- Нет. Но я позвала приятеля.

Питер садится рядом со мной.

- Как долго ты уже сидишь здесь и плачешь?

Я поворачиваю голову и снова вытираю лицо.

- Я не плачу.

Когда-то мы с Питером Кавински были друзьями, до того как он стал Кавински. Раньше его звали просто - Питер К. В средних классах у нас была целая банда. Среди мальчиков были Питер Кавински, Джон Амброуз Маккларен и Тревор Пайк. Девочки - Женевьева, я и Элли Фельдман, которая жила кварталом ниже, ну и иногда к нам примыкала Крис. Раньше Женевьева жила в двух улицах от меня. Забавно, как в детстве дружба зависит от близости. Например, кто является твоим лучшим другом, напрямую связано с тем, насколько близко расположены ваши дома; или то, с кем ты сидишь рядом на музыке, - от того, настолько близко стоят ваши имена в алфавите. Вот такая игра случая. В восьмом классе Женевьева переехала в другой квартал, мы оставались еще какое-то время друзьями. Она приезжала потусить с нами, но все стало совсем по-другому. В старшей школе Женевьева затмила нас всех. Она все еще дружила с мальчиками, но команда девочек распалась. Мы с Элли оставались друзьями до тех пор, пока она тоже не переехала в прошлом году. В последнее время мы

чувствовали себя немножко унизительно, словно были двумя корочками хлеба и составляли сухой бутерброд.

Больше мы не дружим. Ни с Женеьевой, ни с Питером. Вот почему так странно сидеть рядом с ним на обочине, словно с того времени ничего не изменилось.

Звонит телефон, и Питер достает его из кармана.

– Я должен ехать.

Я фыркаю.

– Куда направляешься?

– К Джен.

– Тогда тебе лучше стартовать, – говорю я. – Женеьева будет в ярости, если ты опоздаешь.

Питер издает пренебрежительное «пфф», но молниеносно встает. Интересно, как это – иметь так много власти над парнем. Не думаю, чтобы хотела этого. Такая ответственность – держать чье-то сердце в своих руках. Он садится в машину, но оборачивается и спрашивает, словно ему только приходит в голову:

– Хочешь, чтобы я позвонил «Тройной А» вместо тебя?

– Да нет, все нормально, – отвечаю я. – Хотя спасибо, что остановился. Очень мило с твоей стороны.

Питер улыбается. Помню эту черту его характера – он любит, когда его хвалят.

– Теперь ты чувствуешь себя лучше?

Я киваю. Я на самом деле чувствую себя лучше.

– Хорошо, – говорит он.

Питер словно красавчик из прошлого. Он мог бы быть удачным солдатом Первой Мировой войны, настолько привлекательным, что любая девушка годами ждала бы его возвращения с войны, а может – и вечность. Он носил бы красную школьную куртку[8 - Школьная куртка – куртка с эмблемой школы или колледжа, которую обычно носят спортсмены.], разъезжал на «Корвете» с опущенным верхом с одной рукой на руле и ехал бы к своей девушке, чтобы забрать ее на танцы. Физическая привлекательность Питера больше относится ко вчерашнему дню, чем к сегодняшнему. В нем есть что-то такое, что нравится девушкам.

Он подарил мне первый поцелуй. Так странно думать об этом сейчас. Слово прошло вечность, но на самом деле это было всего четыре года назад.

Примерно через минуту появляется Джош. Я пишу эсэмэску Крис, что не приеду, и встаю с обочины.

– Ты так долго!

– Ты же мне сказала 8109! А это – 8901!

Я с уверенностью говорю:

– Нет, я точно называла 8901.

– Да нет же, ты определенно сказала 8109. И почему ты не отвечала на телефон? – Джош выходит из машины. Когда он видит помятый бок моего автомобиля, у него отвисает челюсть. – Черт возьми! Ты уже позвонила в «Тройной А»?

– Нет. Позвони ты?

Джош соглашается, а потом мы садимся в его машину и ждем, прохладаясь под кондиционером. Я почти забралась на заднее сиденье, когда вспомнила: Марго здесь больше нет. Я так много ездила в машине Джоша, не думая, что мне хоть раз удастся посидеть на переднем сиденье. На месте Марго.

– Э-э-э... Понимаешь, что Марго тебя убьет?

Я так быстро поворачиваю голову, что волосы хлещут по щекам.

- Марго не должна знать, поэтому не говори ей ни слова!

- Стал бы я с ней вообще разговаривать? Мы расстались, помнишь?

Я хмуро смотрю на него.

- Ненавижу, когда люди так говорят - ты их просишь держать что-либо в тайне, а вместо того, чтобы ответить «да» или «нет», они говорят: «А кому мне рассказывать?».

- Я не говорил «А кому мне рассказывать?»!

- Просто скажи «да» или «нет», и все! Не надо условных наклонений.

- Я ничего не расскажу Марго, - произносит он. - Это останется только между мной и тобой. Обещаю. Так пойдет?

- Пойдет, - отвечаю я. А потом в салоне становится тихо, мы оба молчим, слышно только жужжание работающего кондиционера.

Меня начинает подташнивать при мысли о том, что мне придется сообщить об аварии папе. Может быть, следует преподнести ему эту новость со слезами на глазах, чтобы ему стало меня жалко. Или я могла бы сказать что-нибудь типа: «У меня есть хорошая новость и плохая. Хорошая - со мной все в порядке, на мне ни царапины. Плохая же - машина разбита». Возможно, «разбита» не совсем верное слово.

Я мысленно подбираю правильное слово, когда Джош говорит:

- Правильно ли я понимаю, что из-за того, что мы с Марго расстались, ты не собираешься разговаривать со мной, как раньше? - Джош произносит это шутливо-горько или горько шутя, если есть такое сочетание.

Я изумленно на него смотрю.

Не глупи! Конечно же, я все равно буду с тобой разговаривать. Просто не на публике. – С ним я разыгрываю роль вредной маленькой сестры. Как будто я такая же, как и Китти. Словно между нами нет года разницы. Джош не улыбается, он выглядит угрюмым, поэтому я стучаюсь своим лбом об его. – Это была шутка, дурачок!

– Она говорила тебе, что собиралась это сделать? Я имею в виду, планировала ли она это? – Когда я медлю с ответом в нерешительности, он добавляет: – Ну же. Я знаю, она все тебе рассказывает.

– Не совсем. Не на этот раз, во всяком случае. Джош, честно. Я ничего не знала об этом. Клянусь тебе, – я подношу руку к сердцу.

Он пережевывает сказанное, кусая нижнюю губу. Затем спрашивает:

– Может быть, она передумает. Такое возможно, правда?

Не знаю, окажется ли с моей стороны более бессердечно ответить «да» или «нет», потому что в любом случае ему будет больно. И хотя я на девяносто девять целых и девять десятых процента уверена, что она к нему вернется, все же есть крошечный шанс, что этого не произойдет. Мне не хочется вселять в него надежду. Поэтому я ничего не говорю.

Он сглатывает, его кадык дергается вверх-вниз.

– Нет. Если Марго приняла решение, то она не пойдет на попятную.

«Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, только не плачь», – мысленно молю я. Я кладу голову ему на плечо и говорю:

– Никогда не знаешь, что случится в следующую секунду, Джоши.

Джош смотрит прямо перед собой. Белка снует по большому дубу во дворе. Вверх и вниз, и опять вверх. Мы оба наблюдаем за ней.

– В котором часу она приземляется?

- Через несколько часов.

- Она... она приедет домой на День благодарения?

Нет. Они не отдыхают на День благодарения. Джош, это же Шотландия. Алло, они не отмечают американские праздники! - вновь поддразниваю я, хотя мое сердце сейчас не лежит к этому.

- Верно, - отвечает он.

Я говорю:

- Хотя она будет дома на Рождество, - мы оба вздыхаем.

- Я все еще могу тусоваться с вами? - спрашивает меня Джош.

- Со мной и Китти?

- И с твоим папой тоже.

- Мы никуда не денемся от тебя, - заверяю я его.

Джош успокаивается.

- Хорошо. Было бы невыносимо потерять и вас тоже.

Как только он это произносит, мое сердце замирает, и я забываю, что надо дышать. И всего на одну эту секунду у меня кружится голова. А затем так же быстро, как и появилось - чувство, странный трепет в груди, - все исчезает. Пребывает эвакуатор.

Когда мы подъезжаем к моему дому, Джош спрашивает:

- Хочешь, чтобы я был с тобой, когда будешь рассказывать отцу?

Я оживляюсь, но потом вспоминаю слова Марго, что теперь я за все отвечаю. Уверена, брать ответственность за свои ошибки – и есть часть того, чего хотела от меня сестра.

Глава 9

В ИТОГЕ, ПАПА НЕ ТАК УЖ И ЗЛИТСЯ НА МЕНЯ. Я выбалтываю ему все хорошие и плохие новости за раз, на что он просто вздыхает и говорит:

– Ну, хотя бы с тобой все в порядке.

После аварии для машины требуется специальная деталь, которую должны доставить из Индианы или Айдахо, не могу вспомнить точно откуда. А пока мне придется делить автомобиль с папой, ездить в школу на автобусе или просить Джоша подвезти меня, что я и собираюсь сделать.

Вечером, когда мы с Китти смотрим телевизор, звонит Марго. Я зову папу. Мы сидим на диване и передаем телефон по кругу, каждый говорит с ней по очереди.

– Марго, угадай, что сегодня приключилось! – выкрикивает Китти.

Я яростно мотаю головой. «Не рассказывай ей о машине», – произношу я одними губами и одариваю ее предупреждающим взглядом.

– Лара Джин... – Китти загадочно замолкает, – ...поругалась с папой. Да, она вредничала, а папа заставил ее быть милой. Вот так они поссорились.

Я выхватываю телефон из рук сестры.

– Гоу-гоу, мы не поругались. Китти просто издевается.

– Что у вас, ребят, на ужин? Вы приготовили курицу, которую я вчера вечером разморозила? – спрашивает Марго. Ее голос звучит так отдаленно.

Я прибавляю громкость на телефоне.

- Да, не беспокойся об этом. Ты уже заселилась в комнату? Она большая? Кто твоя соседка?

- Соседка милая. Она из Лондона, и у нее очень необычный акцент. Ее зовут Пенелопа Сент Джордж- Диксон.

- Боже, у нее даже имя звучит необычно, - говорю я. - А что насчет твоей комнаты?

- Комната примерно такая же, как и в общежитии в университете Вирджинии. Но древнее.

- Сколько сейчас там времени?

- Уже почти полночь. У нас время на пять часов вперед, помнишь?

«У нас время на пять часов вперед». Слово она уже считает Шотландию своим домом, а ее всего лишь день не было, да и то не целый.

- Мы уже соскучились по тебе, - говорю ей я.

- Я тоже по вам скучаю.

После ужина я пишу Крис, интересуюсь, хочет ли она заглянуть ко мне, но подруга не отвечает. Возможно, она гуляет с одним из тех парней, с которыми постоянно знакомится. Это мне даже на руку. Мне нужно заняться скрапбукингом.

Я надеялась доделать альбом Марго, прежде чем она уедет в колледж. Но любой, кто когда-либо занимался скрапбукингом[9 - Скрапбукинг (англ. scrapbooking, от англ. scrapbook: scrap - вырезка, book - книга, буквально «книга из вырезок») - вид рукодельного искусства, заключающийся в изготовлении и оформлении семейных или личных фотоальбомов.], знает - Рим не один день строился. Можно потратить год или более, работая над одним- единственным альбомом.

В комнате играет музыка девчачьей группы Мотаун. Вокруг меня полукругом разложены все принадлежности: дырокол в виде сердца, листы бумаги и страницы из альбома, картинки, вырезанные из журналов, клейкарандаш, держатель для клейкой ленты со всеми разноцветными ленточками из «васи»[10 - Васи – японская бумага. Ленты клейкие, напоминают малярный скотч, только гораздо тоньше.]. Сувениры, как например, театральная программка со времен, когда мы смотрели «Злую» в Нью-Йорке, квитанции, фотографии, ленты, пуговицы, наклейки, брелоки – все здесь.

У качественного альбома есть текстура. Он плотный, толстый и никогда полностью не закрывается.

Сейчас я работаю над страницей Джоша и Марго. Меня не волнует, что она рассказывает всем. Они снова будут вместе, я знаю. А если даже не сразу, то Марго не сможет просто взять и стереть его из своей истории. Он был огромной частью ее выпускного года. Так же, как и всей ее жизни.

Единственная уступка, на которую я согласна пойти, – я приберегла ленту васи с сердечками для этой странички, но вместо нее я просто могу использовать обычную в клеточку. Я прикладываю ленту в клеточку к фотографиям, но цвета выглядят не так хорошо. Поэтому я все-таки использую ленту с сердечками. А потом, покачиваясь в такт музыке, я беру шаблон в виде сердца, чтобы вырезать изображение их двоих с выпускного. Марго будет в восторге от этого.

Когда я аккуратно приклеиваю засохшие лепестки роз от корсажа Марго, папа стучится в дверь.

– Чем занимаешься? – спрашивает он меня.

– Этим, – отвечаю я, приклеивая еще один лепесток. – Если сильно постараюсь, то, возможно, к Рождеству доделаю.

– А-а-а, – папа не двигается, стоит в дверях, наблюдая, как я работаю. – Ну, я собираюсь посмотреть тот новый документальный фильм Кена Бернса, если захочешь, присоединяйся.

Может быть, – говорю я, просто чтобы быть любезной. Понадобилось бы чересчур много усилий, спустить вниз все принадлежности и снова их разложить на полу. Прямо сейчас я вошла в хороший рабочий ритм. – Почему бы тебе не начать без меня?

– Хорошо. Тогда я пошел. – Папа шаркающей походкой спускается вниз. Я работаю над альбомом практически всю ночь, но в итоге заканчиваю страницу Джоша и Марго, она получилась действительно красивой. Следующей идет страничка сестер. Для фона я использую бумагу с цветами, а поверх нее приклеиваю нашу старую фотографию, которую сделала мама. Мы стоим перед дубом напротив нашего дома в одежде для церкви. Мы все одеты в белые платья с розовыми ленточками в волосах. Самое замечательное в этой фотографии то, что мы с Марго мило улыбаемся, а Китти ковыряется в носу.

Я улыбаюсь про себя. У Китти случится припадок, когда она увидит эту фотографию в альбоме. Не могу этого дождаться.

Глава 10

КАК ГОВОРИТ МАРГО, ПРЕДПОСЛЕДНИЙ УЧЕБНЫЙ ГОД – самый решающий, оживленный и настолько важный, что от него зависит вся жизнь. Так что, думаю, мне нужно успеть получить максимальное удовольствие от чтения перед тем, как на следующей неделе начнутся занятия в школе и официально стартует предпоследний год. А сейчас я сижу на крыльце и читаю шпионский британский роман восьмидесятых годов, который купила за семьдесят пять центов на библиотечной распродаже.

Я как раз подбираюсь к самому интересному (Крессида должна соблазнить Найджела, чтобы получить доступ к шпионскому коду!), когда из своего дома выходит Джош, чтобы забрать почту. Он тоже меня замечает, поднимает руку, словно просто собирается помахать, но затем все же подходит.

– Привет! Симпатичный комбинезончик, – говорит он, пересекая дорожку.

Мой костюмчик выцветшего голубого цвета с подсолнухами завязывается вокруг шеи. Я купила его в винтажном магазинчике со скидкой семьдесят пять процентов. И это не комбинезон.

– Это пляжный костюм, – сообщаю я, возвращаясь к книге, и стараюсь незаметно прикрыть обложку рукой. Меньше всего я хочу, чтобы Джош критиковал меня за чтение дрянной книжки, когда я просто пытаюсь насладиться приятным днем.

Я чувствую, как он ждет, скрестив руки на груди, и поднимаю голову.

– Что?

– Хочешь сегодня вечером посмотреть кино в Бесс? Показывают мультфильм «Пиксар». Можем взять Китти.

– Да, конечно. Напиши мне, когда будешь готов, – отвечаю я, переворачивая страницу.

«Найджел расстегивает блузку Крессиды. Девушка задается вопросом, когда же подействует снотворное, которое она подсыпала в его Мерло. Крессида надеется, что оно не подействует слишком скоро, потому что Найджел очень хорошо целуется».

Джош наклоняется и пытается поближе взглянуть на мою книгу. Я шлепаю его по руке, но он успевает прочитать вслух:

– «Сердце Крессиды учащенно забилось, когда Найджел провел рукой вдоль ее бедра». – Джош покатывается со смеха. – Что за ерунду ты читаешь?

У меня горят щеки.

– Ох, лучше молчи.

Джош отступает, посмеиваясь.

– Тогда я оставляю тебя с Крессидой и Ноэлем.

– К твоему сведению, его зовут Найджел! – кричу ему в спину.

Китти вне себя от радости от того, что мы идем тусоваться с Джошем.

Когда в кинотеатре он просит девушку у стойки положить слой масла на попкорн (на донышко, в середину и сверху), мы одобрительно киваем.

Сестренка сидит посередине, и на смешных моментах она так сильно смеется, что закидывает ноги в воздух. Китти весит всего-ничего, и поэтому ее кресло опускается не до конца. Мы с Джошем улыбаемся поверх ее головы.

Всякий раз когда Джош, Марго и я ходили в кино, Марго тоже сидела посередине. Таким образом, она могла перешептываться с нами обоими. Она специально так делала, чтобы я не ощущала себя брошенной, из-за того, что у нее был парень, а у меня – нет. Сестра всегда была очень внимательной и поначалу заставляла меня волноваться: не подозревает ли она меня в чем-то. Но Гоу-Гоу не из тех, кто утаивает что-либо или приукрашивает правду. Она просто очень хорошая старшая сестра. Самая лучшая.

Но бывали времена, когда я все равно чувствовала себя одиноко. Не в романтическом смысле, а в дружеском. Мы всегда были с Джошем друзьями, но в те моменты, когда он обнимал Марго, стоя вместе со мной в очереди за попкорном, или в машине, когда они тихо беседовали друг с другом, я ощущала себя ребенком на заднем сиденье, который не может слушать, о чем разговаривают взрослые. Это заставляло чувствовать себя невидимкой. Из-за них я захотела, чтобы у меня тоже был кто-то, с кем я могла бы перешептываться на заднем сиденье.

Теперь странно сидеть впереди. Вид здесь не так уж и отличается от вида с заднего сиденья. На самом деле, все кажется таким же обычным, как прежде. И это успокаивает.

Крис звонит мне ночью, когда я крашу ногти на ногах в разные оттенки розового. На заднем фоне так шумно, что ей приходится кричать.

– Угадай что!

– Что? Я едва тебя слышу! – Я наношу на мизинец цвет фруктового пунша под названием «Порази меня своим лучшим выстрелом».

– Погоди. – Я понимаю, Крис передвигается по комнатам, потому что становится немного тише. – А теперь ты меня слышишь?

– Да, гораздо лучше.

– Угадай, кто расстался.

Я перехожу на ультрасовременный розовый, который выглядит как белый с каплей красного цвета.

– Кто?

– Джен и Кавински! Она послала его.

Мои глаза лезут на лоб.

– Ого! Почему?

– По-видимому, она встретила какого-то парня из университета Вирджинии на своей работе. Уверена, она все лето изменяла Кавински. – Кто-то выкрикивает имя Крис, и она говорит: – Мне пора. Моя очередь в бочке[11 - Бочке – итальянская игра на точность, похожая на боулинг.].

Крис вешает трубку не прощаясь, что в ее стиле.

На самом деле, я познакомилась с Крис через Женевьеву. Их матери – сестры, то есть девочки – кузины. Крис, бывало, иногда приходила к нам, когда мы были маленькими, но они с Джен уже тогда не ладили: спорили о том, чья Барби претендовала на Кена (он был только один). Я даже не пыталась за него бороться, хотя он был моим. Точнее, раньше он принадлежал Марго. В школе некоторые даже не подозревают, что Джен и Крис кузины. Они совершенно не похожи друг на друга: Джен – миниатюрная, с изящными руками и белокурыми волосами золотистого цвета. Крис тоже блондинка, но обесцвеченная. Она выше, плечи широкие, как у пловчихи. Но, тем не менее, между ними есть

некоторое сходство.

В девятом классе Крис была распушенной. Она постоянно ходила на вечеринки, напивалась и цепляла парней постарше. В том году десятиклассник из команды по лакроссу рассказывал всем, как они с Крис занимались сексом в мужской раздевалке, что было неправдой. Женестьева заставила Питера пригрозить этому нахалу, чтобы тот рассказал всем правду. Я думала, что было действительно здорово со стороны Женестьева вступить за Крис, но подруга настаивала на том, что Женестьева сделала так, только чтобы люди не подумали о ее родстве со шлюхой. После этого Крис перестала ходить на вечеринки и начала общаться с ребятами из другой школы.

За ней сохранилась та репутация девятого класса. Она ведет себя, словно ее это не волнует, но я знаю, что, хоть немного, но волнует.

Глава 11

В ВОСКРЕСЕНЬЕ ПАПА ГОТОВИТ ЛАЗАНЬЮ. Он всегда кладет в нее мексиканскую черную фасоль для остроты. Хоть звучит довольно мерзко, на самом деле получается вкусно, бобы даже не заметны. Джош приходит к нам в гости, поэтому у папы есть целых три помощника, чему он безумно рад. Когда во время ужина всплывает имя Марго, я поглядываю на Джоша и замечаю, как он напрягается. Мне становится его жаль. Должно быть, Китти тоже это заметила, потому что она переводит тему разговора на мой десерт: арахисовые пирожные.

Так как готовил папа, за нами остается уборка. Он использует каждую кастрюлю на кухне, для того чтобы приготовить лазанью, поэтому нам все приходится мыть, но лазанья того стоила.

После уборки мы отдыхаем перед телевизором. Сейчас вечер воскресенья. Но ни у кого нет этого знакомого воскресного ощущения, потому что завтра – День труда, и у нас остается лишь один денек перед началом занятий.

Китти трудится над своим коллажем с собаками (какая неожиданность!).

- И какую ты хочешь больше всего? - спрашивает ее Джош.

Китти молниеносно отвечает:

- Акиту.

- Мальчика или девочку?

И вновь следует незамедлительный ответ:

- Мальчика.

- Как ты его назовешь?

Тут Китти медлит, и я знаю почему. Поворачиваясь, я щекочу ее босые ноги.

- А я знаю, как ты его назовешь, - певуче протягиваю я.

- Молчи, Лара Джин! - визжит сестренка.

Теперь все внимание Джоша переключилось на меня.

- Ну же, скажи нам, - умоляет он.

Я поглядываю на Китти, та одаривает меня злобным сверкающим взглядом.

- Не бери в голову, - говорю я, внезапно занервничав. Китти может быть и ребенок, но она из тех детей, с кем шутки плохи.

Тогда Джош тянет меня за хвост и продолжает:

- Ай, да брось, Лара Джин! Не томи нас.

Я привстаю на локтях, Китти же пытается зажать ладонью мой рот. Хихикая, я говорю:

– В честь мальчика, который ей нравится.

– Заткнись, Лара Джин, заткнись!

Китти пинает меня и случайно разрывает одну из фотографий с собаками. Сестренка издает крик и падает на колени, рассматривая коллаж. Ее лицо красное из-за подступающих слез, которые она пытается сдержать. Я ощущаю себя ничтожеством. Сажусь и пытаюсь обнять ее в знак сожаления, но она уклоняется от меня и пинает по ногам настолько сильно, что я взвизгиваю. Поднимаю фотографию и пытаюсь прикрепить обратно, но прежде чем успеваю это сделать, Китти выхватывает ее из моих рук и отдает Джошу.

– Джош, исправь, – произносит она. – Лара Джин испортила ее.

– Китти, я же только дразнила, – запинаясь, говорю я. – Не собиралась я называть имя мальчика. Я бы никогда его не сказала.

Сестра игнорирует меня. Джош разглаживает бумагу подставкой и с концентрацией хирурга склеивает две части. Он утирает лоб.

– Фу-у. Думаю, не отвалится.

Я хлопаю в ладоши и пытаюсь поймать взгляд Китти, но она даже не смотрит в мою сторону. Знаю, это заслуженно.

Мальчик, в которого влюблена Китти, – Джош.

Китти быстро забирает коллаж у Джоша и сухо произносит:

– Я пошла доделывать наверх. Спокойной ночи, Джош.

– Спокойной ночи, Китти, – отвечает наш гость.

Я кротко говорю:

– Спокойной ночи, Китти, – но она уже несетя вверх по лестнице и, естественно, не отвечает.

Как только до нас доносится звук закрывающейся двери спальни, Джош поворачивается ко мне и произносит:

– Вот это ты попала.

– Знаю, – отвечаю я. Внутри меня все сжимается. Почему я это сделала? Даже когда я говорила, я уже понимала, что это неправильно. Марго бы так никогда не поступила со мной. Не так старшие сестры должны обращаться с младшими, особенно, когда я настолько старше Китти.

– Кто ей нравится?

– Просто мальчик из школы.

Джош вздыхает.

– Разве она уже доросла до того, чтобы влюбляться? Мне кажется, она еще слишком юна для всего этого.

– Я влюблялась в мальчиков, когда мне было девять, – говорю я ему, все еще думая о Китти. Интересно, как мне сделать так, чтобы она на меня больше не злилась. Не похоже, что на сей раз я отделаюсь только сникердудлем.

– В кого? – спрашивает Джош.

– Что в кого?

Может быть, если я каким-нибудь образом уговорю папу купить ей щенка...

– Кто был твоей первой любовью?

– Хм-м. Моей первой настоящей любовью? – Я влюблялась в детском саду, первом и втором классах, но это не считается. – Первой, которая действительно что-то

значила?

– Конечно.

– Ну... думаю, Питер Кавински.

Джош едва не давится.

– Кавински? Ты шутишь? Он же такой банальный. Я думал, тебе нравился кто-то более... ну не знаю, утонченный, что ли. Питер Кавински – клише. Он как картонная фигурка «крутого парня» из фильма про старшеклассников.

Я пожимаю плечами.

– Сам спросил.

– Вау, – произносит он, качая головой. – Просто... вау.

– Раньше он был другим. Ну, я имею в виду, он был все тем же Питером, но в меньшей степени. – Джош колеблется, и я добавляю: – Ты парень, поэтому тебе не понять.

– Ты права. Я не понимаю!

– А вообще-то, кто бы говорил, ты сам-то был влюблен в мисс Ротшильд!

Джош краснеет.

– Она тогда была действительно симпатичной!

– Угу. – Я одариваю его понимающим взглядом. – Она была «действительно симпатичной». – Наша соседка, мисс Ротшильд, часто подстригала газон в коротеньких махровых шортиках с верхом от бикини. В те дни соседские мальчишки всегда приходили поиграть во дворе Джоша.

– В любом случае, мисс Ротшильд не была первой, в кого я влюбился.

- Нет?

- Нет. Ты была.

Мне требуется несколько секунд, чтобы переварить услышанное. Все, что я могу выдать:

- А?

- Когда я впервые переехал сюда. До того, как узнал твою истинную натуру. - За это я пинаю его в голень, Джош взвизгивает. - Мне было двенадцать, а тебе одиннадцать. Помнишь, я разрешал тебе кататься на моем скутере? Он был моей радостью и гордостью. Я сберег деньги с двух дней рождений, чтобы купить его. И я дал покататься на нем тебе.

- Я думала, ты просто был щедрый.

- Ты упала и посадила огромную царапину на его боку, - продолжает он. - Помнишь это?

- Да, помню, как ты плакал.

- Я не плакал! А был по праву расстроен. Тогда и пришел конец моей маленькой влюбленности. - Джош встает, и мы направляемся к выходу.

Перед тем как открыть дверь, Джош оборачивается и говорит:

- Не знаю, что бы я делал, если бы тебя не было рядом после того... как Марго бросила меня. - Его лицо заливают легкий румянец, покрывая каждую очаровательно веснушчатую щеку. - Ты придаешь мне сил, Лара Джин.

Джош смотрит на меня, и я вспоминаю каждое разделенное когда-либо мгновение с ним. Затем он быстро и пылко обнимает меня и исчезает в ночи.

Я стою в открытых дверях, и в моей голове проносится мысль, настолько быстрая, настолько неожиданная, что я не могу удержаться: «Если бы ты был моим, я бы никогда с тобой не рассталась. Ни за что на свете».

Глава 12

А ВОТ ИСТОРИЯ НАШЕГО С ДЖОШЕМ ЗНАКОМСТВА. Однажды мы с девочками устроили на лужайке пикник с мишками, настоящим чаем и кексами. Мы расположились на заднем дворе так, чтобы никто нас не увидел. Мне было уже одиннадцать: слишком взрослая девочка для таких игр, а Марго – тринадцать: слишком-слишком взрослая. Именно мне в голову пришла подобная идея (вычитала ее в книге). Я смогла притвориться, что это все ради младшей сестренки, и убедила Марго поиграть с нами. Мама умерла годом ранее, и с тех пор Марго редко отказывала нам в чем-либо, если дело касалось Китти.

Мы расположились на старом синем детском одеяле Марго с изображением белки. Я расставила треснутый чайный сервиз, мини-кексы с черникой и крупинками сахара, которые заставила папу купить в магазине, а также положила по плюшевому мишке для каждой из нас. Мы все были в шляпках – я настояла на этом.

– Ты должна надеть шляпу на чаепитие, – беспрестанно повторяла я, пока Марго наконец-то не надела ее лишь для того, чтобы я отстала. На ней была мамина соломенная садовая шляпа, Китти нацепила теннисный козырек, а я украсила старую меховую бабушкину шапку, прикрепив несколько пластиковых цветочков на макушку.

Я разливала теплый чай из термоса в чашки, когда Джош взобрался на забор и стал следить за нами. Месяц назад из окна игровой комнаты мы наблюдали, как въезжала семья Джоша. Мы надеялись, что нашей новой соседкой окажется девочка, но когда увидели, что грузчики вытаскивают мальчишеский велосипед, то вернулись обратно к игре.

Джош молча сидел на заборе. Марго была напряжена и смущена, ее щеки пылали, но она не сняла шляпу. Китти окликнула его.

- Привет, мальчик, - сказала она.

- Привет, - ответил он, мальчик с длинными непослушными волосами, которые приходилось откидывать назад. На нем была красная футболка с дыркой на плече.

Китти спросила:

- Как тебя зовут?

- Джош.

- Ты должен поиграть с нами, Джош, - велела сестренка.

Так он и поступил.

Тогда я и не подозревала, насколько важным станет этот мальчик для меня и для самых любимых мною людей. Но даже если бы я и знала, что бы изменилось? Мы бы никогда не были вместе. Даже если бы...

Глава 13

Я ДУМАЛА, ЧТО ПЕРЕБОЛЕЛА ИМ.

Когда я писала письмо и прощалась с ним, я по-настоящему говорила «пока». Мне было не так тяжело, в особенности когда я думала, как сильно он нравился Марго, как сильно она его любила. Как я могла держать обиду на первую любовь сестры? На саму Марго, которая пожертвовала столь многим ради нас всех? Она всегда-всегда ставила меня с Китти на первое место. Отпустить Джоша - это своего рода мой способ поставить интересы Марго выше своих.

Но теперь я сижу одна в гостиной, моя сестра находится за четыре тысячи миль отсюда, а Джош - по соседству, и все, о чем я могу думать, это: «Джош Сандерсон, мне ты первой понравился. По всем законам справедливости, ты мой.

И если бы мы были вместе, я бы упаковала тебя в свой чемодан и взяла с собой или осталась бы тут. Я бы никогда не бросила тебя. Ни за что на свете».

Думать об этом, испытывая подобные чувства, – это больше, чем вероломство. И я это знаю. Это полнейшее предательство. Мне кажется, что моя душа грязна. Марго уехала меньше недели назад, и взгляните на меня, как быстро я поддалась соблазну! Как быстро во мне проснулось желание. Я худшая из предательниц, потому что я предаю свою собственную сестру, а в мире нет ничего хуже этого. Но что теперь? Что я должна делать со всеми этими чувствами?

Полагаю, я могу сделать только одно. Написать ему еще письмо. Постскриптом. С таким количеством страниц, которое потребуется, чтобы вычеркнуть все оставшиеся к нему чувства. Решу этот вопрос раз и навсегда.

Я иду в свою комнату и нахожу специальную ручку с очень гладкими черными чернилами, достаю тяжелую почтовую бумагу и начинаю писать.

P.S. Я Все еще люблю тебя.

Я все еще люблю тебя, и это поистине огромная проблема для меня, а также по-настоящему большой сюрприз. Клянусь, я не знала. Все это Время я думала, что переболела тобой. Как же могло быть иначе, Ведь ты любишь Марго? Всегда была только Марго...

Закончив, я кладу письмо в свой дневник, а не в коробку из-под шляпы. У меня такое чувство, что я еще не все дописала и мне многое нужно сказать, просто я еще об этом не подумала.

КИТТИ ВСЕ ЕЩЕ НА МЕНЯ ЗЛИТСЯ. Признание Джоша выбило меня из колеи, и я напрочь забыла о ней. Сестренка игнорирует меня все утро, а когда я спрашиваю, хочет ли она поехать со мной в магазин за школьными принадлежностями, она огрызается:

– И на какой машине? Ты же разбила автомобиль Марго.

Упс.

– Я собиралась взять папину, когда он вернется домой из «Хоум дипоу»[12 - «Хоум дипоу» (англ. Home Depot, Inc.) – компания, владеющая сетью магазинов-складов по продаже строительных и отделочных материалов для дома.], – я делаю пару шагов назад, чтобы сестра не смогла на меня наброситься с пинками. – Незачем вредничать, Кэтрин.

Китти практически рычит – именно на такую реакцию я и надеялась. Ненавижу, когда Китти становится злой и молчит. Затем она бросается прочь и, не поворачиваясь ко мне, говорит:

– Я с тобой не разговариваю. Ты сама знаешь, что сделала, так что не утруждай себя и не пытайся вернуть мое расположение.

Я хожу за ней, стараясь разговорить ее, но от этого нет никакого проку. Меня отшили. Поэтому я сдаюсь, возвращаюсь к себе в комнату и включаю саундтрек из «Русалочек», раскладываю на кровати одежду для первой учебной недели. Тут приходит эсэмэс от Джоша. При виде его имени на телефоне у меня бегут мурашки по спине, но я строго напоминаю себе о своей клятве. Он все еще принадлежит Марго, а не тебе.

И не важно, что они расстались. Он был ее первым, что означает, он всегда будет ее.

Хочешь прокатиться на велосипеде на той дорожке в парке?

Езда на велосипеде – занятие, которое обожает Марго. Она любит ходить по тропам, отправляться в походы и кататься на велосипеде. А я нет. Джош знает

это. У меня даже больше нет собственного велосипеда, а Марго еще слишком велик для меня. Велосипед Китти и то больше мне подходит.

Пишу в ответ, что не могу; я должна помочь папе по дому. Это не ложь. Папа действительно попросил меня помочь пересадить некоторые из его растений. И я сказала, что, если это приказ и я не могу отвертеться, тогда согласна.

С чем ему нужно помочь?

Что сказать? Мне нужно быть осторожной в своих оправданиях. Он запросто может посмотреть в окно и увидеть: дома я или нет. Я пишу неопределенно в ответ: «Да так, повседневные дела». Зная Джоша, он бы мог появиться с лопатой и граблями или любым другим инструментом, нужным для работы. А затем он бы остался на ужин, потому что всегда остается поужинать, когда заходит к нам.

Джош сказал, что я придаю ему сил. Я, Лара Джин. Я хочу быть для него таким человеком, желаю быть той, кто поддерживает его в это трудное время. Хочу быть зрителем его маяка, пока мы ждем возвращения Марго. Но это тяжело. Тяжелее, чем я думала.

Глава 15

Я ПРОСЫПАЮСЬ СЧАСТЛИВАЯ, ПОТОМУ ЧТО СЕГОДНЯ первый день школы. Я всегда больше любила первый учебный день, чем последний. Первые всегда лучше: они – начало.

Пока папа и Китти умываются наверху, я готовлю блины из пшеничной муки с ломтиками бананов – любимое лакомство Китти. Завтрак в первый учебный день всегда был великим событием для мамы, потом его на себя взяла Марго, теперь же, полагаю, настала моя очередь. Блинчики немного толстоватые, не такие легкие и нежные, как у сестры. И кофе... ну, должен ли быть кофе светло-коричневым, как какао? Когда папа спускается вниз, он весело произносит:

– Я чувствую запах кофе! – а затем пьет его и в знак одобрения поднимает большой палец вверх, но я замечаю, что он сделал всего один глоток. Видимо, лучше мне печь, а не готовить кофе.

– Ты похожа на девчонку с фермы, – язвительно говорит Китти, и я понимаю, она все еще немного злится на меня.

– Спасибо, – отвечаю я. На мне выцветший комбинезон и цветочная рубашка с круглым вырезом. Действительно, выглядит по-фермерски, но в хорошем смысле. Марго оставила свои коричневые армейские сапоги на шнуровке, которые велики мне лишь на полразмера. Идеальны с толстыми носками.

– Ты заплетешь мне косичку набок? – спрашиваю я сестру.

– Ты не заслуживаешь того, чтобы я заплетала твои волосы, – говорит Китти, облизывая вилку. – Кроме того, с косой будет слишком.

Китти только девять, но у нее хорошее чувство стиля.

– Согласен, – поддерживает папа, не отрывая взгляда от своих бумаг.

Я кладу свою тарелку в раковину, а затем ставлю пакет с обедом Китти рядом с ее тарелкой. Здесь все, что она любит: бутерброд с сыром Бри, хрустящие чипсы, разноцветные печенья и яблочный сок.

– Отличного первого дня, – радостно говорит папа. Он подставляет щеку для поцелуя, я наклоняюсь и целую его. Я пытаюсь поцеловать и Китти, но она отворачивается.

– Я положила твой любимый яблочный сок и сыр Бри, – жалобно говорю я ей. Мне не хочется, чтобы новый учебный год начался с плохой ноты.

– Спасибо, – фыркает она.

И прежде чем Китти успевает остановить меня, я обнимаю ее и так крепко сжимаю, что она вскрикивает. Затем беру новый цветочный рюкзак и выскакиваю за дверь. Новый день, новый год. У меня такое ощущение, что он

будет хорошим.

Джош уже в машине. Я подбегаю, открываю дверь и залезаю внутрь.

– Ты вовремя, – говорит Джош. Он поднимает руку вверх, и я даю ему «пять» с громким шлепком. – Этот был хорош, – замечает он.

– На восемь, по меньшей мере, – соглашаюсь я. Мы проносимся мимо бассейна, знака нашего квартала, а затем мимо «Уэндиз»[13 - «Уэндиз» – сеть экспресс-кафе.].

– Китти уже простила тебя за тот вечер?

– Не совсем, но надеюсь, что скоро.

Никто не умеет держать обиду так, как Китти, – говорит Джош, и я киваю, полностью с ним соглашаясь. Я никогда не умела долго злиться, но Китти будет лелеять обиду, словно от этого зависит ее жизнь. – Я приготовила ей вкусный обед, так что надеюсь, это поможет, – произношу я.

– Ты хорошая старшая сестра.

Я запеваю: «Такая же хорошая, как и Марго?», и мы хором продолжаем: «Никто так не хорош, как Марго».

Глава 16

ШКОЛА ОФИЦИАЛЬНО НАЧАЛАСЬ, и жизнь вошла в привычный ритм. Несколько первых учебных дней всегда уходят впустую: на выдачу книг и расписания, на выяснения, кто, где и с кем сидит. А вот теперь действительно началась учеба.

Во время физкультуры тренер Уайт вывел нас на улицу, чтобы мы могли насладиться теплым солнышком. Мы с Крис прогуливаемся по спортивной площадке. Подруга рассказывает мне о вечеринке, на которую ходила на

выходных в День труда.

– Я чуть не подралась с той девчонкой, которая все повторяла, что на мне были накладки. Не моя вина, что у меня потрясающие волосы.

Когда мы проходим третий круг, я ловлю на себе взгляд Питера Кавински. Сначала я подумала, что мне просто показалось, будто бы он смотрит в мою сторону, но это уже в третий раз! Он играет с ребятами в фрисби. Когда мы проходим мимо них, Питер подбегает к нам.

– Можно с тобой поговорить?

Мы с Крис переглядываемся.

– С ней или со мной? – спрашивает она.

– С Ларой Джин.

Крис бережно обхватывает меня за плечо:

– Валяй. Мы слушаем.

Питер закатывает глаза.

– Я хочу поговорить с ней наедине.

– Ладно, – резко произносит подруга и уходит прочь, но оглядывается через плечо, смотря на меня широко распахнутыми глазами, будто вопрошая: «Что происходит?» Я в ответ пожимаю плечами: «Понятия не имею!»

Тихим, спокойным голосом Питер говорит:

– Чтобы ты знала, у меня нет никаких венерических заболеваний.

Какого черта? Я смотрю на него с открытым ртом.

– Я никогда не говорила, что у тебя есть венерические заболевания!

Его голос по-прежнему тихий, но в нем слышатся нотки гнева:

– А еще я не всегда забираю последний кусочек пиццы.

– О чем ты говоришь?

– О том, что ты написала обо мне. В своем письме. Какой я эгоистичный парень, который одаривает всех девушек вокруг венерическими заболеваниями. Помнишь?

– Какое письмо? Я никогда не писала тебе никаких писем!

Постой. Да, было. Я действительно написала ему письмо, около миллиона лет тому назад. Но он же не об этом письме говорит. Этого просто не может быть.

– Да. Ты. Написала. Оно было адресовано мне, от тебя.

О, боже. Нет. Нет. Этого не может быть. Это не по-настоящему. Я сплю. Я в своей комнате, вижу сон, и в моем сне Питер Кавински пристально смотрит на меня. Я закрываю глаза. Я сплю? Или это все происходит по-настоящему?

– Лара Джин?

Я открываю глаза. К сожалению, это не сон. Это кошмар наяву. Питер Кавински держит в руке мое письмо. Это мой почерк, мой конверт – все мое.

– Как... как ты его получил?

– Оно пришло вчера по почте, – вздыхает Питер. Он продолжает хриплым голосом: – Слушай, в этом нет ничего страшного. Я просто надеюсь, что ты не собираешься рассказывать всем.

– Оно пришло по почте? К тебе домой?

- Да.

У меня кружится голова. Я чувствую слабость. Как бы я хотела упасть в обморок прямо сейчас, чтобы не быть здесь, не быть в реальности.

Это было бы как в кино: девушка теряет сознание от ужаса, и все самое страшное происходит, пока она спит; просыпается же она на больничной койке с синяком или ссадинами, зато пропустила все самое плохое. Хотелось бы, чтобы все так и произошло.

Я чувствую, как начинаю потеть, и быстро говорю:

- Ты должен знать, что я написала это письмо очень-очень давно.

- Окей.

- Много лет назад. Миллион лет назад. Я даже не помню, что сказала в нем. - «Вблизи твое лицо было не просто симпатичным - прекрасным». - Seriously, то письмо со средних классов. Я даже не знаю, кто мог его отправить. Можно взглянуть? - Я тянусь за письмом, стараясь оставаться спокойной и не показывать отчаяния. Простое небрежное спокойствие.

Питер колеблется, а затем усмехается своей идеальной улыбкой.

- Не-а, я хочу оставить его. Я никогда раньше не получал подобные письма.

Я бросаюсь вперед, быстро, словно кошка, выхватываю письмо из его руки.

Питер смеется и поднимает руки.

- Ладно, хорошо, забирай. Боже.

- Спасибо. - Я делаю несколько шагов назад. Бумага дрожит в моей руке.

- Постой, - колеблется он. - Слушай, я не хотел красть твой первый поцелуй и все такое. Это не входило в мои планы...

Я смеюсь поддельным смехом, который звучит безумно даже для моих собственных ушей. Народ оборачивается и смотрит на нас.

– Извинения приняты! Древняя история! – а затем даю деру. Я бегу быстрее, чем когда-либо в своей жизни. Весь путь до женской раздевалки.

Как это вообще могло случиться?

Я опускаюсь на пол. Мне раньше снилось, что я приходила в школу голой. Или в сочетании: приходила-в-школу-голой-забыв-подготовиться-к-экзамену-на-урок-на-который-никогда-не-подписывалась или так: обнаженная-на-экзамене-и-некто-пытается-убить-меня. И все это в бесконечных вариациях.

Мне ничего больше не остается, как вытащить из конверта письмо и прочитать его.

Дорогой Питер К.,

Во-первых, я отказываюсь звать тебя Кавински. Ты считаешь себя таким крутым, ни с того ни с сего отзываясь только по фамилии. Так вот, чтобы ты знал, Кавински идеально подходит для старика с длинной седой бородой.

Знал ли ты, целуя меня, что я в тебя влюблюсь? Иногда я думаю, что да. Определенно – да. И знаешь почему? Потому что ты думаешь, Питер, что ВСЕ тебя любят. И вот это я в тебе ненавижу больше всего. А самое ужасное, тебя реально все любят. В том числе и я. Любила. Но больше нет.

Здесь все твои наихудшие качества:

Ты рыгаешь и не извиняешься, думая, что остальные найдут это очаровательным. И если они так не считают, то тебя это не заботит, верно? Так вот, ты ошибаешься! На самом деле, тебя волнует это. Ты беспокоишься о том, что думают о тебе люди.

Ты всегда забираешь последний кусочек пиццы. И никогда не спрашиваешь, хочет ли кто-то еще. Это грубо.

Ты во всем хорош. Слишком хорош. Мог бы дать шанс и другим парням проявить себя, но ты никогда этого не делал.

Ты поцеловал меня просто так, без причины. Хотя я знала, что тебе нравится Джен, и ты сам знал, что тебе она нравится, да и Джен была в курсе. Но ты все равно сделал это. Просто потому что мог. И мне действительно хочется знать: почему ты сделал это со мной? Мой первый поцелуй должен был быть чем-то особенным. Я читала про то, что должна была при этом почувствовать: фейерверки, разряды молний и шум волн, грохочущих в ушах. У меня ничего такого не было. Спасибо тебе, он был такой неособенный, насколько мог бы быть первый поцелуй.

Но самое худшее – этот дурацкий, ничего не значащий поцелуй заставил меня влюбиться в тебя. Ты мне никогда не нравился. Я никогда даже не думала о тебе до этого. Джен Всегда говорила, что ты самый красивый мальчик в нашем классе, и я соглашалась, потому что так оно и есть. Но я по-прежнему не видела твоего очарования. У многих людей привлекательная внешность. Но это не делает их интересными, интригующими или классными.

Может быть, именно поэтому ты поцеловал меня. Чтобы установить мысленную власть надо мной, заставить взглянуть на тебя по-другому. Знаешь, что? Это сработало. Твоя маленькая уловка удалась. С тех пор я тебя заметила. Вблизи твое лицо было не просто симпатичным – прекрасным. Как много красивых парней ты вообще видел? Для меня же бил только один. Ты. Думаю, тут многое связано с твоими ресницами. У тебя очень длинные ресницы. Несправедливо длинные.

Хоть ты этого не заслуживаешь, я все-таки перечислю все то, что мне в тебе нравится (-лось):

Как-то рад на естествознании никто не хотел быть напарником Джеффри Саттлмана, потому что от него пахнет потом, но ты вызвался добровольцем, словно в этом не было ничего особенного. После этого случая все внезапно решили, что Джеффри не так уж плох.

Ты по-прежнему в хоре, хотя остальные ребята перешли в группу и оркестр. Ты даже поешь соло, танцуешь и при этом не стесняешься.

Ты вырос самым последним из ребят. Теперь же ты самый высокий из всех, словно это заслужил. Хотя, даже когда ты был низеньким, никого это не волновало – девочкам ты все равно нравился, да и мальчишки всегда выбирали тебя первого для игры в баскетбол на физкультуре.

После того как ты поцеловал меня, ты мне нравился до конца седьмого класса и большую часть восьмого. Нелегко видеть тебя с Джен, когда ты держишь ее за руку и целуешь на автобусной остановке. Вероятно, она чувствовала себя с тобой очень особенной. Поэтому что в этом твой талант, верно? Ты хорош в том, чтобы заставляя людей чувствовать себя особенными.

Знаешь, каково это, любить настолько сильно, что аж невыносимо, и знать, что этот человек никогда не почувствует того же? Наверное, нет. Людям вроде тебя не приходится страдать от подобных чувств. После того как Джен переехала и мы перестали дружить, мне стало легче. По крайней мере, не приходилось больше выслушивать рассказы о тебе.

Теперь же, когда год почти закончился, я точно знаю, что переболела тобой. Теперь у меня к тебе иммунитет, Питер. И я с гордостью могу сказать, что я единственная девушка в этой школе, которая больше не восприимчива к чарам Питера Кавински. И все потому, что я получила очень сильную дозу тебя в седьмом классе и в большей части восьмого. Теперь мне больше не придется беспокоиться, чтобы "подхватить" тебя снова. Какое облегчение! Могу поспорить, если бы мне когда-нибудь пришлось поцеловать тебя еще раз, то я определенно подхватила бы что-нибудь, но это была бы не любовь. А венерическое заболевание!

Лара Джин Сонг

ЕСЛИ БЫ Я МОГЛА ЗАЛЕЗТЬ В НОРУ, с комфортом зарыться в ней и прожить там остаток своих дней, я бы так и сделала.

Ну зачем мне нужно было поднимать разговор о том поцелуе? Зачем?

Я до сих пор отчетливо помню тот день в доме Амброуза Макларена. Мы были в подвале, и там пахло плесенью и стиральным порошком. На мне были белые шорты и вышитый сине-белый коротенький топик, который я стащила у Марго. Я тогда впервые надела бюстгальтер без бретелек, который мне одолжила Крис и который я постоянно поправляла, потому что чувствовала себя в нем неуютно.

Это была одна из наших смешанных (мальчики-девочки) ночных тусовок. Она была странной, так как у меня сложилось ощущение, что все было спланировано. Не так, как когда зависаешь после школы у Элли дома, где соседские мальчишки ошиваются с ее братом- близнецом. Также не было похоже на то, когда собираешься пойти к игровым автоматам в торговый центр, зная, что есть вероятность натолкнуться на ребят. Здесь же все было продумано заранее: место сбора, наличие специального бюстгальтера, субботний вечер. Никаких родителей, только мы в суперприватном подвале Джона. Старший брат Джона должен был присматривать за нами, но Джон заплатил ему десять долларов, чтобы тот оставался в своей комнате.

В тот вечер ничего интересного не произошло, мы не играли в бутылочку или семь минут на небесах – ради этого девочки вооружились жвачкой и блеском для губ. Мальчишки просто играли в видеоигры, а мы наблюдали да играли в свои телефоны, перешептываясь. А потом родители забрали всех по домам, и все, что было запланировано, оказалось пустой тратой времени. Мне же было обидно не из-за того, что мне кто-то нравился, а потому, что мне хотелось романтики и драмы, и я надеялась, с кем-то случится нечто интересное.

И это нечто действительно произошло.

Со мной!

Мы с Питером остались внизу одни – последние, кого должны были забрать. Мы сидели на диване, я писала папе сообщения «Где тыыыы?», а Питер играл в игру на своем телефоне.

И вдруг он сказал:

– Твои волосы пахнут кокосами.

Мы даже сидели не близко. Я спросила:

– Правда? Ты можешь чувствовать запах оттуда?

Он быстро пододвинулся ближе и, вдохнув носом, кивнул:

– Да. Он напоминает мне о Гавайях или типа того.

– Спасибо! – ответила я. Я не была уверена в том, что это комплимент, но это прозвучало примерно как комплимент, поэтому я сказала «спасибо». – Я поочередно использую кокосовый и детский шампунь моей сестры, чтобы понять, какой из них делает мои волосы мягче...

И тут Питер Кавински наклонился и поцеловал меня. Я была потрясена.

Я никогда не думала о нем до этого поцелуя. Он был слишком красивый, слишком привлекательный. Вообще не мой тип. Но после того как он поцеловал меня, он был единственным, о ком я могла думать в течение нескольких последующих месяцев.

А что если Питер – это только начало? Что, если... что, если все мои письма тоже каким-то образом были отправлены?

Джону Амброузу Макларену. Кенни из лагеря. Лукасу Крапфу...

Джошу.

О боже, Джош.

Я вскакиваю с пола. Я должна найти эту коробку. Должна найти эти письма.

Иду обратно на улицу к беговой дорожке. Крис нигде не видно, наверное, курит за спортплощадкой. Я направляюсь прямо к тренеру, который сидит на трибунах с телефоном.

– Меня до сих пор тошнит, – хнычу я, сгибаясь и обхватывая руками живот. – Пожалуйста, можно мне пойти в медпункт?

Тренер едва отрывает взгляд от своего телефона:

– Конечно.

Как только я оказываюсь вне поля его зрения, начинаю бежать изо всех сил. Физкультура – мой последний урок сегодня, да и дом всего лишь в нескольких милях от школы. Я бегу словно ветер. Не думаю, что когда-либо в своей жизни бежала так энергично и быстро, да и вероятно, уже никогда не побегу. Я мчусь столь усердно, что мне приходится пару раз остановиться, потому что меня вот-вот вырвет по-настоящему. А потом вспоминаю письма и Джоша, и «Вблизи твое лицо было не просто симпатичным – прекрасным», я стартую и снова бегу.

Как только добираюсь домой, то сразу же мчусь наверх и захожу в гардеробную за коробкой из-под шляпы. Ее нет на верхней полке, где она обычно лежит. Ее нет на полу и за кипой настольных игр. Ее нигде нет. Встаю на четвереньки и начинаю копать в груде свитеров, обувных коробок, принадлежностей для рукоделия, заглядываю в места, где ее не может быть, потому что коробка большая, но я все равно ищу. Ее нигде нет.

Я грохаюсь на пол. Настоящий фильм ужасов. Моя жизнь превратилась в фильм ужасов. Возле меня жужжит телефон. Это Джош.

Ты где? Тебя Крис подвезла до дома?

Я отключаю телефон, спускаюсь на кухню и звоню Марго на домашний. Первый порыв, как и прежде – обратиться к старшей сестре, когда все становится плохо. Я не буду говорить о Джоше, а сосредоточусь на Питере. Она знает, что делать; Марго всегда знает, что делать.

Я готова взорваться, Гоу-Гоу. Я так по тебе скучаю, и без тебя в моей жизни все вверх дном.

Когда сестра поднимает трубку, и я слышу ее сонный голос, понимаю, что разбудила ее.

- Ты спала? - спрашиваю я.

- Нет. Я просто прилегла, - врет она.

- Да ты спала! Гоу-Гоу, там нет даже десяти! Постой, или есть? Я снова неправильно посчитала?

- Нет, все верно. Я просто очень устала. С пяти часов на ногах, потому что... - она умолкает. - Что случилось?

Я колеблюсь. Может быть лучше не обременять Марго всем этим. Она ведь только поступила в колледж - это то, ради чего она работала, ее сбывшаяся мечта. Она должна веселиться, а не переживать из-за того, как обстоят дела дома. Кроме того, что я могла сказать? «Я написала кучу любовных писем (в том числе твоему парню), и их все разослали»?

- Все в порядке, - отвечаю я. Я делаю то, что бы сделала Марго - справляюсь со своими проблемами сама.

- А звучит, как будто что-то не так, - зевает Марго. - Скажи мне.

- Иди спать, Гоу-Гоу.

- Хорошо, - говорит сестра, снова зевая.

Мы вешаем трубки, и я делаю себе «сандэ»[14 - «Сандэ» (англ. sundae) - десерт из мороженого.] прямо в упаковке со сливочным мороженым: добавляю туда шоколадный соус, взбитые сливки и орехи. Все как полагается. Я беру его с собой в комнату и ем лежа на кровати. Я съедаю все, до последнего кусочка, словно лекарство.

Глава 18

КИТТИ СТОИТ У КРОВАТИ, КОГДА Я ПРОСЫПАЮСЬ.

– Все твои простыни в мороженом, – говорит она мне.

Издавая приглушенный стон, я переворачиваюсь на бок.

– Китти, поверь, это наименьшая из моих проблем.

– Папа интересуется, что ты хочешь на ужин: курицу или гамбургер. Лично я голосую за курицу.

Я сажусь на кровати. Папа дома! Может, он что-нибудь знает. Он устроил большую уборку и выбрасывал тонну всего ненужного. Возможно, он тайком спрятал мою коробку в какое-нибудь безопасное место, а письмо Питера просто по несчастной случайности было отправлено?!

Я вскакиваю с кровати и бегу вниз, сердце бешено колотится в груди. Папа в кабинете читает толстенную книгу о картинах Одабана.

Я выпаливаю на одном дыхании:

– Пап, ты видел мою коробку из-под шляпы?

Отец переводит взгляд на меня, но по растерянному выражению его лица я могу определить, что он все еще с птицами Одабана.

– Какая коробка?

– Моя коробка из-под шляпы, которую дала мне мама!

– Ах, эта... – произносит он, по-прежнему выглядя озадаченным. Он снимает очки. – Не знаю. Возможно, она ушла тем же путем, что и твои роликовые

коньки.

- Что это значит? О чем ты вообще говоришь?

- Гудвилл[15 - «Гудвилл» (англ. Goodwill) - благотворительный магазин. Американцы обычно не выбрасывают старые и ненужные вещи, а относят их в Гудвилл, где полученные вещи продаются за низкие цены, а вырученные деньги идут на благотворительность.]. Есть небольшая вероятность, что я отнес ее в Гудвилл.

Когда я ахаю, папа говорит в свое оправдание:

- Те роликовые коньки даже больше не налезали на тебя. Они просто пылились в шкафу!

Я сползаю на пол.

- Они были розовые и к тому же винтажные, я берегла их для Китти... но дело не в этом. Меня не волнуют роликовые коньки. Меня заботит моя коробка! Ты даже не представляешь, что ты наделал.

Папа встает и пытается поднять меня с пола. Я сопротивляюсь и плюхаюсь на спину как золотая рыбка.

- Лара Джин, я даже не знал, что избавился от нее. Ну же, давай посмотрим дома хорошенько, ладно? Не надо пока паниковать.

- Она могла быть только в одном месте, и там ее нет. Пропала.

- Я заеду завтра в Гудвилл по дороге на работу, - заверяет папа, присаживаясь рядышком на корточки. Он смотрит на меня таким сочувствующим, но в то же время негодующим и удивленным взглядом, словно говорит: «Как такое возможно, что мое здоровое и разумное ДНК создало такую безумную дочь?»

- Поздно. Слишком поздно. В этом нет смысла.

- Что такого важного было в той коробке?

Я чувствую, как пломбир свертывается комочком в моем животе. Уже второй раз у меня появляется ощущение, что меня стошнит.

– Все.

Папа делает сочувствующее выражение лица.

– Я действительно не знал, что мама дала коробку тебе и что это было настолько важным. – Направляясь на кухню, он добавляет: – Эй, а как насчет пломбира до ужина? Он приободрит тебя?

Как будто десерт перед обедом может утешить меня, словно я ровесница Китти, а не шестнадцатилетняя девушка, которой, кстати, скоро уже исполнится семнадцать. Я даже не удосуживаюсь ответить, просто лежу на полу, прислонившись щекой к прохладной древесине. Кроме того, мороженого не осталось, я все съела. Впрочем, папа сам об этом скоро узнает.

Я даже не хочу думать о Джоше, о том, как он читает письмо. Я вообще не хочу думать. Все просто ужасно.

После ужина (курица, по требованию Китти) я мою посуду, и вдруг раздается дверной звонок. Папа открывает дверь, и я слышу голос Джоша:

– Здравствуйте, доктор Кави. Лара Джин дома?

О, нет. Нет-нет-нет-нет. Я не могу видеть Джоша.

Знаю, что когда-нибудь мне придется это сделать, но не сегодня. Не в эту секунду. Не могу. Просто не могу.

Я бросаю тарелки обратно в раковину и удираю через заднюю дверь, вниз по ступенькам крыльца, через задний двор и во двор Пирсов, вскарабкиваюсь по деревянной лестнице в старый дом на дереве Кэролайн Пирс. Я не была в этом доме со средних классов. Мы иногда тусовались здесь по ночам – Крис, Женевьева, Элли и я, и пару раз даже мальчишки.

Свернувшись в клубок, я украдкой поглядываю сквозь деревянные рейки, выжидая момента, когда Джош вернется к себе домой. Когда я полностью уверена, что он внутри дома, я спускаюсь вниз по лестнице и бегу к себе. Да уж, много сегодня побегала. Только сейчас я резко почувствовала усталость.

Глава 19

НА СЛЕДУЮЩЕЕ УТРО Я ПРОСЫПАЮСЬ ОБНОВЛЕННОЙ. Теперь я девушка с планом: просто буду избегать Джоша – вечно. Вот так легко. А если и не вечно, то, по меньшей мере, до тех пор, пока все не уляжется и он не позабудет о моем письме. Хотя есть крошечный шанс, что он вообще никогда его не получал. Возможно, кто бы ни отправил письмо Питеру, он послал только одно! Но мало ли что.

Мама всегда говорила, что оптимизм был моей лучшей чертой характера. Крис с Марго заявляли, что он раздражает, на что я отвечала: «Еще никто не умирал, глядя на светлую сторону жизни».

Когда спускаюсь вниз по лестнице, папа с Китти уже сидят за столом и едят тосты. Я готовлю себе тарелку хлопьев и тоже сажусь.

– По дороге на работу я заскочу в Гудвилл, – говорит папа, скрывшись за газетой и похрустывая тостом. – Уверен, коробка окажется там.

– Пропала твоя коробка из-под шляпы? – спрашивает Китти. – Та, которую тебе подарила мама?

Я киваю и запихиваю хлопья в рот. Мне нужно скорее уходить, иначе есть шанс столкнуться с Джошем по дороге.

– А все-таки, что было в коробке? – интересуется Китти.

– Это личное, – отвечаю я. – Все, что тебе надо знать, – ее содержимое очень ценно для меня.

– А ты будешь злиться на папочку, если он не найдет коробку? – Китти отвечает на собственный вопрос, прежде чем я успеваю открыть рот. – Сомневаюсь. Ты никогда не могла долго злиться.

Это верно. Я не злопамятна.

Выглядывая из-за газеты, папа спрашивает сестру:

– Бога ради, что же было в той коробке?

Китти пожимает плечами. Она отвечает с набитым ртом:

– Вероятно, еще несколько французских беретов?

– Нет, не береты. – Я сердито смотрю на них. – А теперь, если вы меня извините, я не хочу опоздать в школу.

– А разве еще не рановато?

Я сегодня на автобусе, – и вероятно каждый день до тех пор, пока не починят машину Марго, но им этого знать не обязательно.

Глава 20

ТО, ЧТО СЛУЧИЛОСЬ ДАЛЬШЕ, можно назвать странным стечением обстоятельств. Замедленным крушением поезда. Чтобы что-то пошло так колоссально неправильно, все должно пересечься и столкнуться в точности в верный или, как в данном случае, в совершенно неверный момент времени.

Если бы у водителя автобуса не было проблем с выездом из тупика, занявшим четыре драгоценных минуты, я бы никогда не натолкнулась на Джоша.

Если бы у Джоша завелась машина и ему не пришлось бы поехать с отцом, он бы не проходил мимо моего шкафчика.

И если бы Питеру не пришлось встречаться с мисс Вутен у нее в кабинете, он бы не шел по коридору десятью минутами позже. И возможно вся эта история не произошла бы. Но все случилось так, как случилось.

Я стою у своего шкафчика, дверцу которого заклинило, и пытаюсь открыть его. Наконец-то мне это удается. Тут появляется Джош.

– Лара Джин... – У него такое потрясенное и растерянное выражение лица! – Я пытаюсь поговорить с тобой со вчерашнего вечера. Я приходил к вам, но никто не смог найти тебя. – Джош протягивает мое письмо. – Я не понимаю. Что это?

– Я не знаю. – произносит мой голос. Звук кажется таким далеким, словно я парю над собой, наблюдая за всем происходящим сверху.

– Я имею в виду, оно же от тебя, верно?

– О, вау. – Я делаю вдох и беру в руки письмо, борясь с огромным желанием разорвать его. – А где ты вообще его взял?

– Оно пришло мне по почте, – Джош засовывает руки в карманы. – Когда ты его написала?

– Давным-давно, – я издаю притворный смешок. – Настолько, что даже не помню когда. Возможно в средних классах. – Хорошая работа, Лара Джин. Продолжай в том же духе.

Он медленно продолжает:

– Верно... но ты упоминаешь поход в кино с Марго, Майком и Беном. А это было всего пару лет назад.

Я закусываю нижнюю губу.

– Точно. Но все равно, это было довольно-таки давно. – Я чувствую, как подступают слезы, так быстро, что если я хотя бы на секунду растеряюсь, дрогну, то расплачусь, и все станет еще хуже, если такое вообще возможно. Я

должна быть невозмутимой, беззаботной и равнодушной. Слезы только все испортят.

Джош так пристально на меня смотрит, что мне приходится отвернуться.

- Итак... у тебя есть... или были чувства ко мне, или?..

- Да, конечно, в какой-то момент я была увлечена тобой, но это было до того, как вы с Марго начали встречаться. Миллион лет назад.

- Почему ты ничего не сказала? Потому что Лара Джин. Боже. Я не знаю. - Он не сводит с меня взгляда, в котором читается смущение, но в то же время кое- что еще. - Это безумие. Меня будто оглушили.

Его взгляд внезапно вызывает у меня воспоминания того летнего дня, когда мне было четырнадцать, а ему пятнадцать, и мы возвращались откуда-то домой. Он смотрел на меня так пристально, что я была уверена, он поцелует меня. Я начала нервничать, поэтому спровоцировала его на спор, и он больше никогда не смотрел на меня подобным образом.

До этого момента.

Не надо. Пожалуйста, только не это.

Что бы он ни думал, что бы ни хотел сказать, я не хочу этого слышать. Я сделаю все, что угодно, в буквальном смысле, что угодно, чтобы только не услышать этого.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Товарный знак сухого завтрака из овсяной муки и пшеничного крахмала с минерально-витаминными добавками в форме колечек.

2

«Костко» – сеть магазинов.

3

«Таргет» – сеть магазинов.

4

Заварное мороженое – десерт, похожий на обычное мороженое, но сделанный из яиц, сливок и сахара.

5

FYI (англ. «For Your Information») – К вашему сведению.

6

Кимчи – блюдо корейской кухни, представляющее собой остро приправленные квашеные овощи, в первую очередь пекинскую капусту.

7

Тройное «А» – Автомобильная Ассоциация Америки.

8

Школьная куртка – куртка с эмблемой школы или колледжа, которую обычно носят спортсмены.

9

Скрапбукинг (англ. scrapbooking, от англ. scrapbook: scrap – вырезка, book – книга, буквально «книга из вырезок») – вид рукодельного искусства, заключающийся в изготовлении и оформлении семейных или личных фотоальбомов.

10

Васи – японская бумага. Ленты клейкие, напоминают малярный скотч, только гораздо тоньше.

11

Бочче – итальянская игра на точность, похожая на боулинг.

12

«Хоум дিপосу» (англ. Home Depot, Inc.) – компания, владеющая сетью магазинов-складов по продаже строительных и отделочных материалов для дома.

13

«Уэндиз» – сеть экспресс-кафе.

14

«Сандэ» (англ. sundae) – десерт из мороженого.

15

«Гудвилл» (англ. Goodwill) – благотворительный магазин. Американцы обычно не выбрасывают старые и ненужные вещи, а относят их в Гудвилл, где полученные вещи продаются за низкие цены, а вырученные деньги идут на благотворительность.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/dzhenni-han/vsem-parnyam-kotoryh-ya-lyubila-kupit>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)